пионер

П. 66/г.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“ 1933 г.

17-18

РЗФ

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ПИОНЕР

№ 17-18

Орган ЦБ детской коммунистической организации им. Ленина при ЦК ВЛКСМ
Адр. ред.: ул. Горького, 8, тел. 5-60-76

Сентябрь 1933

Недавно я прибивал у себя в комнате полочку для книг. Гвоздь никак не влезал в стену. Я разозлился и изо всей силы ударил молотком по гвоздю. Результат удара превзошел все мои ожидания: гвоздь по самую шляпку ушел в стену. От сотрясения с книжного шкафа посыпались папки со старыми бумагами.

Проклиная гвоздь и полку, я долго ползал по полу, собирая исписанные листки. Один листок был написан по-немецки. Это было письмо из Германии:

«... Сами ребята провели всю работу. В одном городе они ночью все тротуары исписали мелом коммунистическими лозунгами... В Берлине по всем заводам и пивным, где собираются рабочие, ходили сборщики денег на издание своей газеты. Когда в одном из кварталов сборщиков арестовали, толпа ребят собралась у полицейского участка. Ребята до тех пор кричали «Освободите товарищей!», пока полицейские их не выпустили... Группы ребят отправились в Чехо-Словакию, Швейцарию и Австрию, чтобы помочь там провести работу... Всего по одной Германии больше ста тысяч ребят принимали участие в демонстрациях и собраниях...»

Письмо было старое. На почтовом штемпеле стоял июль 1921 г. Оно рассказывало о 1-й международной детской неделе в конце июня 1921 г.

Я положил это письмо на письменный стол, рядом с небольшим, на невзрачной серой бумаге журналом. На нем написано: «Пионер» № 12, Кельн. Это один из подпольных журналов немецких пионеров. Несмотря на фашистский террор, пионеры Германии продолжают борьбу.

И одна из статей этого журнала призывает ребят проводить свою 13-ю международную детскую неделю, которая начнется **2 октября.**

Нет почти ни одной страны в мире, в которой пролетарские ребята не выступят в дни 13-й МДН против капиталистического рабства, эксплоатации и голода, на защиту СССР против войны.

Обо всем этом мне напомнило старое письмо.

А ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ НАМ?

Прежде всего хорошо учиться, быть сознательными в дисциплине и помогать партии и комсомолу. В 36 странах мира помогают пионеры компартиям и комсомолам бороться за такую же жизнь, как в СССР. Наш интернациональный долг перед ними — хорошо учиться.

У 17 ПИОНЕРОВ

я спрашивал:

— Внесли ли вы интернациональный пятачок?

И семнадцать ответов, похожих один на другой так же, как пятачки, которые они должны внести, получил я:

— Нет!

Центральное бюро пионеров считает это недопустимым.

Каждое звено должно считать делом своей чести внести пятачок, чтобы укрепить работу заграничных товарищей.

Самое простое дело конечно взять этот пятачок у родителей и отдать его в звено. Но это будет уже не пионерский интернациональный пятачок, а родительский.

Откуда достать пятачок?

Нужно самим заработать этот пятачок. Есть простой способ: устроить интернациональный субботник имени 13-й МДН. На субботнике собрать утиль: бумагу и старое железо, сдать его и полученные деньги переслать в бюро пионеров или по такому адресу: Москва, Ильинка, Областная контора Госбанка, текущий счет № 9289, «Фонд мировой пионерии».

НЕМНОГО О ПИСЬМАХ

В одной из моих папок лежит письмо на семи страницах. Я его сохраняю на память как редкость. Писало его одно звено из г. Саратова в прошлом году. Начать с того, что на каждой странице не меньше 12 ошибок, да каких! Я прямо покраснел за ребят, когда читал письмо. Затем все семь страниц заполнены общими рассуждениями и ни слова нет о работе и жизни звена и школы. Я сохраняю это письмо как образец того, как не надо писать писем заграничным товарищам.

Надеюсь, что мои читатели и пациенты напишут в дни 13-й МДН толковые письма с описанием своей жизни, работы, учебы, отдыха, с хорошими примерами, фотографиями. Жду таких писем и, если они будут хорошие, помогу вам переслать их за границу.

ВСТРЕЧА С ДЕЛЕГАЦИЕЙ

В этом году в СССР на пароходе приехала делегация английских пионеров. В порт пришли встречать их ленинградские пионеры. Сошли английские ребята с парохода, отдали салют и что-то сказали советским ребятам. А те не поняли и ждали переводчика. А между тем то, что сказали английские пионеры, можно было понять сразу, даже не зная английского языка:

Я думаю, что вы окажетесь догадливее встречавших и сразу назовете эти слова.

«Будь готов!»— вот что конечно сказали английские пионеры. А по-английски этот лозунг звучит: «Би рэди!».

Расскажите эту историю ребятам на интернациональном утреннике, который вы будете проводить, и предложите разучить девиз «Будь готов» на разных языках, чтобы ребята могли, не теряясь, встретить любую делегацию.

«Суа пре!»—это по-французски.

«Зай берайт»— это по-немецки.

«Уо-мен-тчумбей!»—это по-китайски.

«Вар редо!»— это по-шведски.

Попробуйте разучить еще одно приветствие. Несколько лет назад по Кильскому каналу в Германии проходило советское судно. И все рабочие, которые работали по берегам канала, грозили советским морякам кулаками и что-то кричали.

Приехав в Гамбург, советские моряки спросили у коммунистов:

— За что это нам кулаками грозили?

Немецкие коммунисты засмеялись и об'яснили:

— Это они приветствовали вас. У нас есть такое приветствие. Кулак вверх— это означает, что придет время, когда этим пролетарским кулаком мы угостим буржуазию, а кричали они «Рот фронт»—«Красный фронт».

Разучите с ребятами это боевое приветствие немецких рабочих и пионеров:

— Рот фронт! Рот фронт! Рот фронт!

Жду от вас писем, как вы провели 13-ю МДН.

1129
34

ПУСТЬ СВЕТИТ

Рассказ А. Гайдара

Рисунки П. Митурича

Отец запаздывал, и за стол к ужину сели трое. Босой парень Ефимка, его маленькая сестренка Валька и семилетний братишка по прозванию Николашка-баловашка.

Только что мать пошла доставать кашу, как внезапно погас свет.

Мать из-за перегородки закричала:

— Кто балуется? Это ты, Николашка? Смотри, идоленок, добалуешься.

Николашка обиделся и сердито ответил:

— Сама не видит, а сама говорит. Это не я потушил, а наверное пробки перегорели.

Тогда мать приказала:

— Пойди, Ефимка, притащи из сеней лестницу. Да поставь сначала сахарницу на полку, а то эти граждане в темноте разом сахар захапают.

Вышел Ефим в сени, смотрит: что за беда? И на улице темно, и на станции темно, и кругом темно. А тут еще небо в черных тучах и луна пропала.

Забежал Ефим в комнату и сказал:

— Зажигайте, мама, коптилку. Это не пробки перегорели, а наверное что-нибудь на заводе случилось.

Мать пошла в чулан за керосином, а Ефимка, разыскивая сапоги, торопливо полез под кровать. Левый сапог нашел, а правый никак.

— Наверное это вы опять куда-нибудь задевали?—спросил он у притихших ребятишек.

— Это Валька задевала, — сознался Николашка. — Она стащила сапог за печку, воткнула в него веник и говорит, что это будет сад.

— Ефимка! А Ефимка, — гревожным шопотом спросил Николашка, — что это такое на улице жужукает?

— Я вот вам пожужукую, — ответил Ефимка. И выкинув из сапога березовый веник, он с опаской сунул руку внутрь голенища, потому что уже однажды эта негодница Валька, поливая свой сад, вкатила ему в сапог целую кружку колодезной воды.— Я вот ей хворостиной пожужукаю.

Но тут и он замолчал, потому что услышал сквозь распахнутое окно какое-то странное то ли жужжание, то ли гудение.

Он натянул сапоги и выскочил из комнаты. В сенях столкнулся с матерью.

— Ты куда? — вскрикнула мать и крепко вцепилась в его руку мокрыми от керосина пальцами.

Г.П.Б. в Лнгр.
Ц 1933
Акт № 742

— Пусти, мама!—рванулся Ефимка и выбежал на крыльцо.

Оглянувшись, он торопливо затянул ремень, надел кепку и быстро побежал темной улицей через овражек, через мостик в гору—в ту сторону, где стоял их небольшой стекольный завод.

*

В сенях что-то стукнуло. Кто-то впотьмах шарил рукой по двери.

— Кто там?—спросила мать, а Валька и Николашка подвинулись к ней поближе.

— Не спишь, Маша?— послышался дребезжащий старческий голос. И тогда мать узнала, что это соседка, Марфа Алексеевна.

— Какой тут сон, — быстро заговорила обрадованная мать.— И свету нет, и аэроплан гудит, и самого нет. А тут еще Ефимка так и рванулся из рук, как будто бы его кипятком ошпарили.

— Комсомольцы,—с грустью проговорила бабка.

Слышно было, как отодвинула она табуретку и положила руку на клеенчатый стол.

— Вот так и у меня Верка, как потух свет да услыхала она, что гудит, кинулась сразу к двери. Я ей говорю: куда ты дура?.. Ну мужики, ну парнишки... А ты ведь еще девчонка... Шестнадцать годов. А она постояла, подумала: «Бабуня, говорит, не сердись. Это белый аэроплан. Это тревога. У нас сбор... У меня там товарищи». Схватила в сенях с гвоздя сумку да как кошка прыгнула. Вот, Маша! Только я ее и видела.

— Сумку-то какую взяла?— спросила мать.

— А бог ее знает! Недавно притащила, сначала в комнате повесила. Да я сказала: убери, Верка, в сени, а то вся квартира карболкой пропахнет.

— Это военно-санитарная сумка,—вставил Николашка.—Это когда пробьет человека пулей или

рванет его бомбой, вот тогда из этой сумки достают и завязывают. Я уже все узнал.

— Ты да не узнаешь!—вздохнула мать и, услышав, как загромыхал он табуреткой, спросила:

— Ну и куда ты, Николашка, лезешь? Ну и что тебе не сидится? Только Валька задремала, а он... грох... грох...

— Мама, — отодвигаясь от подоконника, уже тише спросил Николашка,—а что это такое далеко бубухает: бубух да бубух?

— Где, паршивец, бубухает?—тихо переспросила вдрогнувшая мать.

И от этих глупых николашкиных слов руки ее ослабли, а маленькая спящая Валька показалась ей тяжелой, как большой камень.

Она подвинулась к окошку. И точно, как порывы шального ветра, как отголоски уже недалекой грозы что-то вздрагивало, затихало, но это был не ветер и не гроза, это глухо и часто бабахали боевые орудия.

❄

Чем ближе подбегал Ефим к заводу, тем чаще и чаще попадались ему торопящиеся люди, хлопали калитки, громыхали ворота и тарахтели телеги. Поднимаясь в гору, он нагнал комсомолку Верку.

— Бежим скорее, Верка. Ты не знаешь, где это бабахают?

— Погоди, Ефим! Подержи-ка сумку. Я чулок поправлю. Я уже спать собралась. Вдруг—гудит. Насилу от бабки вырвалась.

— Что чулок, — ответил Ефим, забирая пахнувшую лекарствами сумку. — Что чулок! У меня и вовсе один сапог на босу ногу. Скорей бежим, Верка.

У поворота они столкнулись с двумя. Один был незнакомый, длинный с винтовкой, другой—без винтовки, с наганом. И тот, который с наганом, был член ревкома — Семен Собакин.

— Стойте,—приказал Собакин.—Вы куда? На сбор? Там пока и без вас обойдутся. Бегите скорее на перекресток Малаховской дороги. Сейчас пойдут подводы для беженцев. Сидите, дежурьте и считайте. Пятнадцать подвод сразу на Верхние бугры и пусть ждут у школы. Десять—по Спасской в самый конец. А все остальные к ревкому.

Он отдал Ефиму тяжелый немецкий штык

— Дай винтовку, Собакин,—попросил Ефим.— Раз я дежурный, то давай винтовку.

— Дай ему, Степа,—обернулся Собакин к своему длинному сутулому товарищу.

— Не дам, — удивленно и спокойно ответил товарищ. — Вот еще мода!

— Дай, а я на сборе сейчас же скажу, чтобы тебе другую выдали.

— Не дам,—уже сердито ответил товарищ.— Другая то ли еще будет, то ли нет. А эта — на месте. И хлопнув ладонью по прикладу, он ловко закинул винтовку через плечо.

— Ну хоть штык дай, — рассердился торопящийся Собакин.

— Это дам, — согласился товарищ.

И сняв с пояса, он протянул Ефиму тяжелый немецкий штык в блестящих ободранных ножнах.

— Как бритва,—добродушно сказал он нахмурившемуся Ефиму. — Сам своими руками целый час точил.

❄

Они добежали до перекрестка темной и пустой дороги.

— Сядем под кустом, — тихо сказал Ефим. — Заодно я в сапог травы натолкаю, а то как бы и вовсе не сбить ногу без портянки.

Свернули и сели. Ефим сдернул сапог и, ощупав рукою траву, спросил:

— А что, Верка, нет ли у тебя в сумке широкого бинта или марли? Тут не трава, а кругом сухая полынь.

— Вот еще, Ефимка, и бинт есть и марля есть, только я не дам. Это для раненых, а не на твои портянки.

— Пожалела, дуреха, — рассердился Ефим и, осторожно ступая, пошел в кусты.

Он ожог руку о крапиву. Наколол пятку колючкой. Наконец, нащупав большой лопух, он сел на землю и стал завертывать босую ногу в широкие пыльные листья.

Он обул сапог и задумался. Еще только позавчера он спокойно шел по этой дороге. Вот так же булькал ручей. Вот так же тихо насвистывала пичужка. Но не грохали тогда орудия. Не полыхало на черном небе зарево и не гудел издалека тяжелый церковный колокол: Доон!.. Доон!..

— Казаки,— пробормотал он, вспомнив клубные плакаты, — белые казаки.

И вдруг как будто бы только сейчас впервые за весь вечер он по-настоящему понял, что это уже не те безвредные намалеванные казаки, что были приляпаны вместе с плакатами на стенах ревкома и в клубе, а что это мчатся живые казаки на быстрых конях с тяжелыми шашками и с плетеными нагайками.

Он вскочил и пошел к Верке.

— Верка,—сказал он, крепко сжимая ее руку.— Ты что? Ты не бойся. Скоро пойдем на сбор, там все наши.

— Дай ножик, Ефимка. Почему ты так долго?

— На, возьми,— и Ефим протянул ей холодный маслянистый клинок немецкого штыка.

В темноте что-то хрустнуло и разорвалось.

— Бери, — сказала Верка. — Завернешь ногу,

лучше будет. Слышишь, стучит? Это кажется наши подводы едут.

— Вот глупая! — выругался Ефим, почувствовав, как вместе с клинком она сунула ему в руку что-то теплое и мягкое.— Вот дура. И зачем ты, Верка, свой шерстяной платок разрезала?

— Бери, бери. На что он мне такой длинный? А то собьешь ногу... Нам же хуже будет.

*

Пятнадцать подвод пошли на Верхние бугры. Десять—до конца Спасской. Но последние подводы сильно запаздывали. И только к полночи позабытые всеми Ефим и Верка вернулись к ревкому.

Орудия гремели уже где-то совсем неподалеку. Вблизи загорелась старая деревня Щуповка. Свет опять погас. Захлопывались ставни, запирались ворота, и улицы быстро пустели.

— Вы что тут шатаетесь?—закричал появившийся откуда-то Собакин.

— Собакин!.. Чтоб ты сдох,—со злобой крикнул побелевший Ефимка.—Кто шатается? Где отряд? Где комсомольцы?

— Погоди, — переведя дух, ответил узнавший их Собакин.

— Отряд уже ушел. Вы с подводами? Берите две подводы и катайте скорее на Песочный проулок. Там остались женщины и ребята. Сейчас Соломон Самойлов прибегал. Все уехали, а они остались. Оттуда поезжайте прямо к новому мосту. За мостом сбор. Дальше на Кожуховку. А там наши.

Собакин быстро кинулся прочь и уже откуда-то из темноты крикнул Ефиму:

— Смотри... Ты... боевой! Вы отвечать будете, если беженцы с проулка не попадут на место.

— Верка, — пробормотал Ефим. — А ведь это наши остались. Это Самойловы, Васильевы, мать с ребятами, твоя бабка.

— Бабке что?.. Она старая, ей ничего,—шопотом ответила Верка.— А Самойловым плохо, они евреи.

Крепко схватившись за руки, они побежали туда, где только что оставили две подводы.

Но сколько они ни бегали, сколько ни кричали, подводчик как провалился.

— Едем сами,—решил Ефим.—Прыгай, Верка. А ждать больше некогда.

*

На повороте они чуть не сшибли женщину. В одной руке женщина тащила узел, другою держала ребенка, а позади нее, вслипывая, бежали еще двое.

— Ты куда, Евдокия? Это за вами подвода,— крикнул Ефим.—Стой здесь и никуда не беги. А мы сейчас воротимся.

Еще не доезжая до дома, он услышал крики, плач и ругань.

— Соломон, где ты провалился? — закричала старая бабка Самойлиха. И с необычайной для ее хромой ноги прытью она вцепилась в ефимкину телегу.

— Это я, а не Соломон, — ответил Ефим. — Тащите скорее ребят и садитесь.

— Ой, Ефимка!—закричала обрадованная мать.

И тотчас же бросилась накладывать на телегу мешки, посуду, корзинки, ребят, подушки, все в одну кучу.

— Мама, не наваливайте много,—предупредил Ефим.—На дороге еще тетка Евдокия с ребятами.

— Соломон где?—уже в десятый раз спрашивала Самойлиха. — Он побежал лошадей доставать. Куда же без Соломона?

Ошалелые кони шарахнулись в сторону

— Не видел я Соломона. Это мои подводы,— ответил Ефим и, забежав во двор, он отвязал с цепи собаченку Шурашку. Вернувшись к первой подводе, он увидел, что мать взваливает ножную швейную машину.

— Мама, оставьте машину,—попросил Ефим.— Где же место? Ведь у меня на дороге еще тетка Евдокия с ребятами.

— Что, Евдокия?.. Я вот тебе оставлю,—угрожающе и тяжело дыша, ответила мать.—Я тебе, дьяволу, покажу, как бегать... И кроме машины она бухнула на телегу помятый медный самовар.

— Бросьте машину! — с внезапной злобой вскрикнул Ефимка. И, вскочив на телегу, одним пинком он сшиб самовар, потом рванул за край машину и сбросил ее на дорогу.

— Верка! — крикнул он, отталкивая оцепеневшую мать.—Бери вожжи. Сейчас трогаем.

Трах-та-бабах! Грохнуло где-то уже совсем неподалеку.

— Соломон,—застонала старуха Самойлиха.— Как же мы без Соломона?

— Некогда Соломона... Найдется... Не маленький... Верка, поехали.

Трах-та-бабах! Грохнуло где-то еще ближе.

Быстро захватив на перекрестке Евдокию Васильеву с ребятишками, Ефим с силою ударил вожжами. И тогда обе телеги, гремящие чайниками, корзинами, кастрюлями, жестянками, рванулись вперед по пыльной опустевшей дороге.

Трах-та-бабах! Ударило еще три раза подряд.

Ошалелые кони шарахнулись в сторону. Собаченка Шурашка метнулась в проулок. А Ефимка рванул вправо, потому что возле нового моста

Вскоре заполыхал костер, зашумел чайник, забурлила картошка, зафыркала каша и все пошло дружно и споро.

уже загорелась разбитая снарядами ветхая извозчичья халупа.

У противоположной окраины проселка кое-как они перебрались через старый прогнивший мостик... Когда они очутились на другом берегу, то мать замолчала, бабка заплакала, Евдокия перекрестилась, а Ефимка сразу же круто свернул в лес.

*

Дорога попалась узкая и кривая. Близилось утро, но в лесу было еще так темно, что только по стуку колес Ефимка угадывал, что вторая подвода идет следом.

Ефим подстегнул коня, и телеги выкатили на просторную светлеющую опушку.

И тут Ефим понял, где они.

Кожуховка-то, в которую собирались отряды и беженцы, была где-то далеко, влево за лесами, а впереди совсем близко дымило трубами уже проснувшееся село Кабакино. Но, угадав, куда они выехали, Ефим вовсе не обрадовался. Он попридержал коня и задумался.

— Кабакино,—тихо сказал он Верке, показывая рукою на окутанное туманами серое и угрюмое село.

— Что ты? — испуганно переспросила Верка.

— Оно самое. Видишь колокольня с золоченым крестом. Это ихняя, другой нет.

— Куда, господи, занесло!— в страхе сказала мать.—Что же мы теперь делать будем, Ефимка?

— А я почем знаю,—сердито ответил Ефимка, очищая кнутом замазанные дегтем сапоги.— То ругаться, а теперь—что, что? Подержи-ка вожжи, Верка.

Он спрыгнул и пошел к опушке. У опушки остановился и стал присматриваться: нет ли другой дороги, чтобы миновать стороною это опасное село.

Это было село богатых садоводов, то самое знаменитое Кабакино, в котором полгода тому назад погиб весь первый взвод Тамбовского продотряда и возле которого только две недели тому назад разбили бомбами легковую машину губпродкома. И теперь, когда кругом шныряли прорвавшиеся через фронт казаки, чего хорошего могли ожидать беженцы на этом незнакомом пути.

Но влево никакой дороги не было.

И вдруг Ефимка увидел, как со стороны Кабакина выезжают навстречу три подводы, а сбоку подвод гарцует на конях кучка черных всадников.

Тогда, отскочив назад и низко пригибаясь, как будто бы кто-то ударил его палкой по животу, Ефимка помчался к подводам.

Он схватил за узду и круто заворотил телегу.

— Гони, Верка! Да замолчите, чтобы вы сдохли! — крикнул он, услыхав, как дружно заорали разбуженные рывками и толчками ребята.

И, подскакивая на выбоинах и ухабах, обе подводы покатили назад. Так катили они долго. Ефимка молча нахлестывал измотавшегося коня и оборачивался по сторонам, отыскивая, куда бы свернуть с дороги.

Наконец он заметил маленькую тропку.

*

Задевая за пни и корни, подводы тихо подвигались по узенькой, кривой тропинке. Иногда деревья склонялись так низко, что дуги лошадей с шорохом цеплялись за спутанные ветви.

Давно уже и далеко позади простучали и стихли колеса кабакинских подводчиков, но беженцы шаг за шагом все глубже и глубже забирались в чащу леса.

Наконец ветви раздвинулись. Сверкнуло солнце. И подводы тихо в'ехали на маленькую круглую поляну.

Здесь тропка оканчивалась. Здесь нужно было остановиться, отдохнуть и подумать, что же делать дальше.

Остановились и стали разбираться.

— Доехали, Верка, — невесело сказал Ефим, бросая вожжи и устало подсаживаясь на сухое трухлявое бревно.

Они молча посмотрели друг на друга.

Лицо Ефимки горело и было в красных пятнах, как будто бы он только недавно упал головой в крапиву. Рубаха—в пыли, сапоги—в грязи. И только ободранные ножны штыка у пояса сверкали на солнце, как настоящие серебряные.

В черных косматых волосах Верки запутались сухие травинки и серо-красная голова репейника. От шеи к плечу тянулась яркая, как после удара хлыстом, полоска. А смятое ситцевое платье было разодрано от бедра до колена.

Верка взяла ведро и пошла за водой. Ходила она долго, но хорошей воды не нашла и принесла из болота. Вода была прозрачная, но теплая и пахла гнилушками. Пришлось разводить костер и кипятить. Ефим распряг коней и повел поить.

— Где вода?—спросил Ефим у Верки, которая, укрывшись мешком, сидела и гадала, как бы зачинить разлохмаченное платье.

— Пойдем, я сама покажу... Все равно скоро не зачинишь, — сказала она, показывая на схваченные булавками лохмотья. — Посмотри-ка, Ефимка, что это у меня на шее?

— Ссадина,—ответил Ефим.—Здоровенная. Ты крепко зашиблась, Верка?

— Плечо ноет да колено содрано. А тебе меня жалко что ли?

— Ладно еще, что вовсе голову не свернуло,— огрызнулся Ефим.—Я ей говорю: бежим скорее! А она: «Погоди... чулок поправлю». Вот тебе и нарвалась на Собакина. Ребята в отряде. Все вместе... кучею. А ты теперь возись, как старая баба с ребятами.

— Ефимка! — помолчав спросила Верка. — А ведь белые казаки бьют всех евреев начисто.

— Не всех. Какой-нибудь банкир... Зачем им его бить, когда они сами с ним заодно. Ты бы лучше книжки читала, чем по вечеринкам шататься. А то иду я, сидит она, как принцесса, да семечки пощелкивает. А возле нее Ванька Баландин на балалайке... Трынди-брынди...

— У Самойловых отец не банкир, а кочегар,— покраснела Верка.—У Евдокии Степан в пулеметчиках, взводный что ли! Да и Вальку с Николашкой тоже было бы жалко. А ты заладил... Собакин... Собакин...

Ефим взял с воза ременной кнут и пошел, не оборачиваясь, в лесную чащу

— Почему «тоже бы»? — обозлился догадавшийся Ефим. И чтобы обидеть ее, он с издевкой напомнил:

— Как на собрании, так она дура дурой, а тут: «тоже бы». Ее спрашивают, кто такой Фридрих Энгельс. А она думала, думала, да и ляпнула: «Это, говорит, какой-то народный комиссар...»

— Забыла, — незлобиво созналась Верка. — Я его тогда с Луначарским спутала.

— Как же можно с Луначарским? — опешил Ефимка. — То Фридрих Энгельс, а то Луначарский. То в Германии, а то в России. То жив, а то умер.

— Забыла, — упрямо повторила Верка. — Я мало училась, — и, помолчав, она хмуро спросила: — А что нам с тобой ссориться, Ефимка? Ведь ото всех наших мы с тобой только одни остались.

❄

Вскоре заполыхал костер, зашумел чайник, забурлила картошка, зафыркала каша и все пошло дружно и споро.

А когда разослали брезент на траве и голодные и усталые сели обедать всем табором, то показалось, что среди этой звонкой лесной тишины забыли все — и о своей неожиданной беде и о своих тяжелых думах.

Но как ни забывай, а беда висела не пустяковая: куда итти, как выбираться?

И когда после обеда маленькие ребятишки завалились спать, то собрались вокруг Ефимки и ворчливая бабка, и тихая Евдокия, и глубоко оскорбленная Ефимкой мать.

И так прикидывали и так думали... Наконец решили, что пока все останутся на месте, а Ефимка пойдет через лес разведывать дорогу.

Итти никуда Ефимке не хотелось, а крепко хотелось ему спать. Но он поднялся и подозвал Николашку, который тихонько подслушивал, о чем говорят старшие.

— Возьми, Николай, — отстегивая штык, сказал Ефимка, — повесь его на пояс. И будешь ты вместо меня комендантом.

— Зачем? — спросила мать. — На что такое баловство? Еще зарежется. Дай, Николашка, я спрячу.

Но крепко сжав штык, Николашка отлетел чуть ли не на другой конец поляны, и мать только махнула рукой.

— Спрячь, Верка, — позевывая сказал Ефим, подавая ей клеенчатый бумажник, из которого высовывался рыжий комсомольский билет.

— Зачем это? — не поняла мать. И вдруг догадавшись, она нахмурилась и сказала, не глядя Ефимке в глаза:

— Ты, Ефимка, того... Поосторожней...

— Как бы ночевать не пришлось,—дотрагиваясь до почерневших жердей, сказал Ефим.—Наруби-ка ты, Верка, с комендантом веток да зачините у шалаша крышу. А то ударит гроза, куда ребятишек денем!

Переобув сапоги, он подошел к телегам, похлопал каурого конька по шее, взял с воза ременный кнут и, посмотрев на солнышко, пошел, не оборачиваясь, в лесную гущу.

(Окончание в следующем номере)

СИРОТЫ ВОЙНЫ

Стихи Гасема Лахути
Рисунки Н. Машковой

Жуликоватые, но сердцем — простаки,
Всегда оборваны, взлохмачены и вшивы,
Как были вы добры, заботливы, чутки!
Вы в памяти моей еще поныне живы.

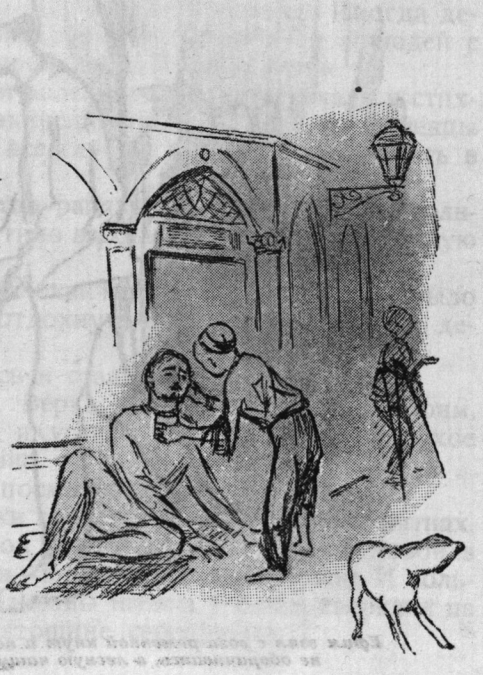
Измученный, больной, вознобе и в жару,
Я молча наблюдал, валяясь на цыновке,
Какие мастера вы были на игру,
На шуточки, на смех, борьбу и потасовки.

Но лишь прохожего завидите вдали,
Вы умолкали вмиг, плутишки-попрошайки:
Кто скорбно вдруг немел,
подставив костыли,
Кто плакал жалобно, —
и не узнать всей шайки.
Курд,
турок,
армянин,
болгарин
и еврей —
Происхождение вас не раз'единяло.
Разноязычные, в ватаге вы своей
Хранили истый дух Интернационала.

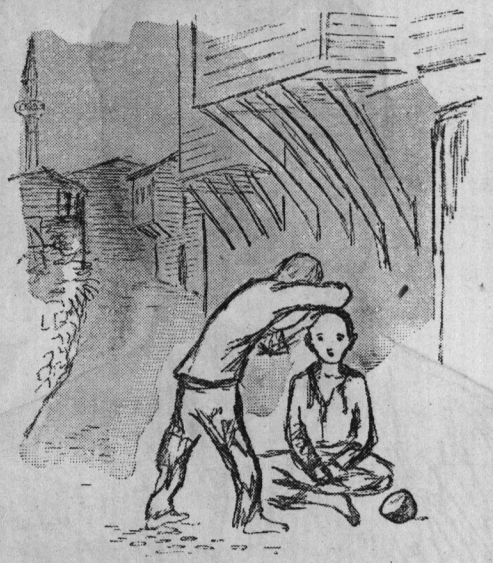
И разве только вы, и разве только там,
На древних площадях и улицах Стамбула?
По всем блистательным столичным городам
Вас — пыль тех лет — войною понадуло.

Вы, в ком кипел
ума,
талантов,
сил запас,
Чей голос
в трудовом, строительном концерте
Так мощно на весь мир
греметь бы мог сейчас,
Вы стали жертвами
порока или смерти.

Больной, беспомощный, я был тогда для вас
Орудьем нищенства,
источником дохода,
Но как признателен я вам еще сейчас
За искренность забот, за теплоту ухода.
Я не забыл, друзья,
как теплым молоком
Поили вы меня
из грязной банки, ржавой...
Вот я пишу о вас,
и сердцем к вам влеком,
И вашей будто вновь
я окружен оравой.



Еще я помню, как стеклом, бывало, брил
Григорий голову турчонка Мохамета.
«Прекрасная любовь! — себе я говорил. —
О, если б их отцы уразумели это!



Отцы, которые для блага богачей,
Брат брата превратя в безмолвные мишени,
В своем невежестве и в слепоте своей
Преступно предались самоуничтоженью;

Отцы, что в бой пошли,
поддавшись на обман
Защиты родины,
национальной чести,
Религий и богов,
чтоб пух чужой карман,

А каждой матери, жене, сестре, невесте —
Рыдать по сыновьям
и братьям и мужьям;
В поток родной крови
прибавить слез потоки.

Чтоб по миру пойти их сирым малышам,
Чтоб беспризорными
вступить им в мир жестокий...»
Так думал я тогда сквозь полусон больной,
И жар от этих дум то становился жгучей,
То коммунизма свет вставал передо мной,
И жар мой затихал, мне становилось лучше.

Но тут чуть брезживший в моих мечтаньях свет —
Он наяву теперь сияет незаменный.
Непобедимая — уже пятнадцать лет —
Коммуна властвует в одной шестой вселенной.
Здесь, где давно уже в музей сдан царский трон,
Где «буржуа», «богач» звучит, как «вор»
зазорно,
Здесь, где хозяин — труд, и труд — всему закон,
Как можем мы терпеть понятье —
«беспризорный»?
Наследье прошлого — они еще порой
Встречаются у нас. Но их уж так немного.
А сколько тысяч их вернул советский строй
На пролетарскую широкую дорогу!

Здесь для сирот у нас не улица — приют,
Здесь школа служит им убежищем надежным.
Им партия — оплот,
их воспитатель — труд,
Спецовка — их костюм,
а не халат острожный.

О, дети улицы, с которыми тогда
В Константинополе
пришлось мне подружиться!
Что если б тут, в стране науки и труда,
В том самом возрасте могли вы очутиться?

Вы пионерами здесь были бы. Вы здесь
Над делом Ленина трудились вместе б с нами,
Чтоб буржуазный строй скорей разрушить весь
И в мире водрузить социализма знамя.

Перевел **ЛЕВ ПЕНЬКОВСКИЙ**

В ГОСТЯХ У ПОЭТА

Я взлетел на десятый этаж в кабинке лифта. Встретил меня сам поэт Гасем Лахути — седой человек с молодым лицом.

До сих пор я знал его только по стихам, по хорошим стихам, испорченным плохими переводами. Лахути пишет на персидском языке, которого не знают поэты-переводчики.

Зато сам Гасем Лахути к счастью не нуждается в переводе. Персия, где он родился, где поют его песни и рассказывают легенды о нем, Турция, восточные страны, которые он исходил как поэт и революционер, сочиняя свои стихи в промежутках между боями, а может быть и в боях, — все эти восточные страны оживают в его рассказах.

Седой Лахути вспоминает свое раннее детство. Сын башмачника, семилетним мальчиком он работает у кузнеца, раздувая тяжелые меха.

— Тяжело, ах как тяжело... А у хозяйки еще сын был, маленький мальчишка, такой некрасивый, с таким длинным носом, такой грязный, сейчас вспоминаю—целый день кушать не хочется. Я прихожу, а он говорит: «Ага, вот мой ишак!» А ишак — это осел. Мальчишка садится на мои плечи и погоняет меня, я должен бегать, а я не могу быстро бежать, очень тяжелый мальчишка, толстый, а мне восемь лет, я бегаю плохо. Он тогда берет острую палку, которой ослов погоняют, колет меня в шею и кричит: «Бегай, бегай, ишак, скорее, что ты мало ячменя сегодня кушал?».

— Тогда я и начал писать стихи, — говорит он, — от большого горя, от большой обиды. Мне не с кем было поделиться своими несчастиями.

Персия — это страна, богатая большой поэзией. Замечательные поэты рождались в Персии еще сотни лет тому назад. Но поэта, подобного Лахути, Персия еще не знала. Поэзия Персии жила во дворцах шаха, отдыхала в тенистых его садах, за высокими оградами, отделенная от жизни, где истязали маленьких и больших Гасемов, где волновались и открыто восставали народные массы страны.

Тов. Г. Лахути, награжденный орденом Трудового красного знамени Таджикской ССР. Портрет работы худ. Митурича

Поэзия Лахути вместе с ним ходила по волнующейся Персии, вместе с ним прошла пешком из Константинополя в Тегеран, когда этого потребовала революция. Его поэзия вместе с поэтом стреляла из винтовки, вела в бой отряды и вместе с поэтом она пришла в коммунистическую партию.

Сейчас его поэзия — пролетарская поэзия, но вместе с тем она и персидская поэзия. Вся большая культура персидского стиха не прошла мимо Лахути... И в лучших переводах его мы слышим и железные, чеканные строки поэта-революционера и изумительную музыку прекрасного персидского стиха.

Мне трудно передать все, что рассказывал Лахути, когда я был у него в гостях. Он обещал это сделать сам.

Мы услышим от самого поэта историю его боевой, интересной жизни и поэзии. Вот одна из историй, которые он мне рассказывал в тот вечер:

«В Константинополе жил большой человек — вождь национальной революции Джемаледдин Исфахани. Из Тегерана—столицы Персии—в Константинополь пешком пришел Мирза Мухамед, революционер. Не отдохнув от тяжелого пути, он прямо прошел к вождю и стал горько жаловаться на персидского шаха Насрэддина. «Этот, — говорит,—Насрэддин такой плохой, так плохо из-за него живет народ, такая тяжелая судьба у Персии». Очень плакался Мирза Мухамед.

— Ну, что же?—спросил Джемаледдин Исфахани, когда тот кончил.

— Как что же? Очень плохо.

— Я думал, что ты пришел ко мне как революционер, я думал, что ты пришел ко мне рассказать: плохой был шах, угнетал народ, и я его убил, а ты пришел плакать, как старуха.

И вождь посмотрел на него. Вот так,—показал т. Лахути.—И Мирза Мухамед от его взгляда стал пятиться к двери и пятился, пока не вышел, а когда вышел, то, не отдыхая, пошел обратно пешком в Тегеран.

А в Тегеране шах Насрэддин праздновал пятидесятилетие своего царствования. Он ходил среди народа, и каждый, кто хотел, мог говорить с ним.

Мирза Мухамед переоделся в одежду странствующего врача, взял в руки прошение, а под прошение спрятал револьвер.

— Дайте мне пройти, — кричал он, — к солнцу правоверных.

— Пропустите его,—сказал шах.

Мирза подошел к нему, крикнул:

— Вот тебе за народные мучения!—и убил его.

Когда его схватили и он был совершенно беззащитен, со связанными назад руками, шахские приближенные и чиновники стали глумиться над ним. Один из них подошел к нему:

— Ты, собака, негодяй, как смел ты убить такого доброго, благородного шаха?

Мирза Мухамед подпустил его близко к себе и, когда он подошел, громко крикнул ему в лицо: «Пах!».

Вельможа до того испугался, что тут же умер от страха.

Мирзу Мухамеда повесили. Перед казнью, поднявшись на табурете, уже с веревкой на шее, он сказал стихи, которые знает вся Персия:

«Я счастлив в тот день, когда моя голова
высоко и я вижу весь народ, всю свою страну
перед собою».

Лахути сказал эти стихи по-персидски. Так выразительно произнес мерные, певучие незнакомые слова, что мне показалось, будто я понял их смысл, хотя перевел он их уже после.

— Это был большой революционер, — сказал т. Лахути.—Хотя он шел еще неверной дорогой, но умер за свободу страны как герой.

За окном послышался гул, мы вышли на балкон, и я увидел большой дирижабль и Москву с высоты десяти этажей Дома правительства, где живет Лахути. Я подумал:

«Счастлив поэт с седой головой и молодыми глазами, который после десятков лет борьбы видит с высоты десяти этажей советского дома столицу побеждающего класса. Счастлив поэт и революционер Востока, который и сейчас с полной силой борется за революцию во всем мире—и на Западе и на Востоке.

ГДЕ ЖИВУТ ЭТИ РЕБЯТА?

Знать свою страну — это значит знать не только ее географию, не только экономику, не только ее леса и реки, но и людей, основное богатство, алмазный фонд нашей страны.

Знаете ли вы, как живут ребята национальных республик, ребята тех народов, которых больше всего угнетала царская власть до революции? Только при советской власти отсталые народы перестают быть отсталыми, становятся в один ряд бойцов за социализм с трудящимися всего нашего Союза. В Международную детскую неделю крепите братскую связь с пионерами и школьниками нацреспублик!

Перед вами пять фотографий пионеров и школьников нацреспублик. Проверьте свои знания о нашей стране. По этим фотографиям вы должны сообразить, где живут и чем занимаются ребята. Напишите к каждой фотографии подпись в виде рассказа или очерка. Лучшие будут напечатаны в журнале.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОСТЕР

ШЕСТЬ ПИОНЕРОВ ИЗ ПЯТИ СТРАН ВЫСТУПАЮТ СЕГОДНЯ НА НАШЕМ КОСТРЕ. БРАТСКИЙ САЛЮТ ЗАГРАНИЧНЫМ ПИОНЕРАМ. В XIII МДН ЯРЧЕ ПИОНЕРСКИЕ КОСТРЫ ВО ВСЕМ МИРЕ!

ТРОЕ УБИТЫ, ЧЕТВЕРО РАНЕНЫ

Фашисты жестоко расправляются с детьми трудящихся. Многих ребят увозят неизвестно куда, многих, особенно пионеров, арестовывают в школе, на улице и дома.

10 марта в Ганновере фашисты открыли огонь по детской демонстрации. Трое пионеров были убиты, четверо ранены.

Однако все это не запугало... Отрядами выброшен лозунг: «Каждый пионер, действуй мелом!».

Ребята запасаются мелом, и на стенах домов, на заборах, в школе каждый пионер рисует серп и молот и пишет лозунг против фашистов.

Пионер ФРИЦ В.
Германия.

Песня американских ребят

Пуст котел, в кастрюлях пусто,
Нет ни мяса, ни капусты,
Нужны плошки и горшки,
Сковородки, котелки.

Если голодно и плохо,
Подымайте шум и грохот,
Били-бом, били-бам;
Подымайте тарарам.

Если кушать не судьба нам,
Миска будет барабаном,
К пузу миску привяжи,
Гряньте, ложки и ножи!
Били-бом, били-бом,
Мы по улицам пойдем.

Слушай, враг!
Завтрак — школам,
Куртки — голым,
Обувь — босым,
Громче шаг!

Нашим боссам [1].
Мы — кулак,
А барбосам —
Красный флаг.

Бим-били-бим-бом,
Бим-били-бим-бом,
Бим-били-бим-бом,
Красный флаг.

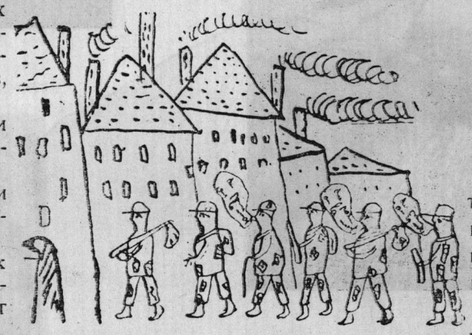
Из американского журнала «Юный пионер».
Текст т. Хэн.
Перевел М. Гершензон.

[1] Босс — хозяин.

Безработица

Безработица — так называют человеческое горе.

Возле дверей завода безработные кричат: «Хлеба для наших детей! Работы или хлеба!»



Дети просят хлеба у родителей, но у родителей нет хлеба. Иногда мать дает малышам кусок хлеба. Они голодные, но они не едят хлеба сразу, они едят медленно, чтобы было дольше.

БРУНО НАТАЛИ (10 лет)
Франция.

КОТЯТА И БРАТ ЖАН

Моему брату Пьеру четыре года.

У нас была кошка и кошка окотилась. Четырех котят утопили. Пьер плакал и мама ему об'яснила, что надо утопить, потому что кошке нечем их кормить.

Это было летом. Потом отца рассчитали, и он стал безработным. Он получает деньги в мэрии, но у нас нет теперь ни масла, ни молока. Потом родился маленький брат Жан. Мама очень много плакала. Она говорила, что ей нечем кормить столько детей. Пьер это слыхал и сказал: «Тогда надо его утопить». У нас тяжело теперь жить, и никто не знает, когда это кончится.

(Школа Сан-Поль)

Выступление перед Капитолием

Юные пионеры нашего города Миннеаполиса выпустили листовку ко всем школьникам рабочих районов города с призывом участвовать в голодном походе безработных.

Нам удалось распространить много сотен таких листовок. Некоторые из них попали в руки главного начальника миннеапольских школ. Он прочитал и немедленно издал приказ по всем школам:

«Всякого школьника, участника голодного похода, отстранить от занятий на две недели ». (А это грозит риском остаться на второй год и целой кучей других крайне неприятных последствий).

Кроме того начальники отдельных школ учинили допрос тем ребятам, которых подозревали в активной пионерской работе, стараясь добром и угрозами заставить их отказаться от участия в демонстрации.

Когда большая толпа голодных безработных, пришедших из окружающих районов и из рабочих окраин самого города, явилась к правительственному зданию—Капитолию, то среди масс, сопровождавших их, был отряд пионеров. Пионер Сол. С. выступил с десятиминутной речью, обращаясь от имени пролетарских ребят к безработным и городским заправилам. Сол. С. требовал предоставления безработным бесплатного питания в школах и вне школ, бесплатного платья и школьных пособий.

Безработные одобрили эти требования, но из здания городской управы никто не откликался. Тогда Сол С. крикнул:

— Эй вы, жирные политики-буржуи, чего же вы молчите и не отвечаете? Отмалчиваетесь? Впрочем не ясно ли было заранее, что боссы (хозяева) и не помышляют о том, чтобы притти на помощь детям безработных! И не ясно ли, что наше дело — это бороться за наши требования.

Пионер САСШ ДЖЕМ КОРРИ

Пионеры революционного театра

Я хочу рассказать про наш пионерский театр в Японии. В Японии есть союз рабочих театров, он называется ПРОТ. У ПРОТ — десять пионерских театров во всей стране. Играют в этих театрах ребята, и я тоже участвую в одном из них Мы очень часто играем в деревне и своими постановками агитируем среди батраков, зовем их на борьбу с капиталистами, мы выступаем также и среди рабочих ребят.

Вот я расскажу про одно выступление.

Это было в Токио. Собралось много ребят, и мы показали им большую программу.

Сначала мы показали бумажное кино. Вы должно быть не знаете, что это такое. А это вот что.

Во время кино в Японии в зале всегда находится рассказчик, который рассказывает, что происходит на экране. Такие рассказчики существуют потому, что в Японии показывают иностранные картины с надписями на иностранных языках, которых большинство зрителей не знает. К рассказчикам они привыкли, и те были во всех кино.

Когда ввели говорящие кинокартины, рассказчики стали безработными. Тогда они сговорились с художниками. Художники рисовали картинки, а рассказчики рассказывали истории про то, что на них происходит. Такие представления очень нравятся ребятам.

Мы тоже нарисовали картинки и рассказывали истории про борьбу рабочих с полицией. Это было наше первое представление.

Второе представление мы открыли революционной песней нашего театра, и ребята-зрители выходили на сцену и сами играли и рассказывали истории.

Мы им рассказывали, как устроить бумажное кино, и они очень внимательно слушали.

Потом мы поставили пьесу «Кому принадлежит хлеб». Это—революционная пьеса про борьбу батраков с помещиками.

Товарищ Акита, который был в Советском союзе, рассказывал о детях Советского союза.

***На третьем выступлении мы** показали пьесу к 13-й международной детской неделе, ее написал наш коллектив.*

Письмо японского пионера Иошио Иоши. Рисунок изображает представление пионерского кукольного театра в квартире рабочего.

Кроме того мы выезжали в другой город большим коллективом: 13 ребят и 19 взрослых. Там спектакли были платные. Дети платили 10 сен за вход, взрослые рабочие 20 сен, остальные 50 сен.

Наша пионерская труппа вся состоит из школьников. Мы собираемся не только на репетиции. Раз в неделю мы устраиваем политзанятия, разучиваем революционные песни.

К нам приходят руководители пролетарских организаций, рассказывают о борьбе рабочих. Цель нашего коллектива—не только ставить спектакли, но и воспитывать себя бойцами за дело рабочего класса.

Мне очень хочется узнать, как живете вы, пионеры, в свободном Советском союзе.

Пионер В. ОКИ.

СКАУТЫ—ПОМОЩНИКИ ПОЛИЦИИ

В НАШЕМ ГОРОДЕ ПЕРНАМБУКО (БРАЗИЛИЯ, ЮЖНАЯ АМЕРИКА) ВСПЫХНУЛА ЗАБАСТОВКА ТРАМВАЙНЫХ РАБОЧИХ. В СОСЕДНЕМ ГОРОДЕ ОЛЕНДИ ПОЯВИЛИСЬ КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ЛИСТОВКИ, КОТОРЫЕ ВСПОЛОШИЛИ ВСЮ ПОЛИЦИЮ.

НА ПОМОЩЬ ПОЛИЦИИ ПРИШЛИ ЭКСКОТЕЙРОСЫ (СКАУТЫ), КОТОРЫЕ САМИ ЯВИЛИСЬ В ПОЛИЦИЮ И ПРЕДЛОЖИЛИ СВОИ УСЛУГИ ДЛЯ „ПОДДЕРЖАНИЯ ПОРЯДКА", Т. Е. ПОПРОСТУ ДЛЯ ПОДАВЛЕНИЯ ЗАБАСТОВКИ.

СКАУТЫ ДО ТОГО ХОРОШО УСЛУЖИЛИ ПОЛИЦИИ, ЧТО КОМИССАР ПОЛИЦИИ ОТПЕЧАТАЛ ПРИКАЗ С БЛАГОДАРНОСТЬЮ СКАУТАМ В МЕСТНОЙ ГАЗЕТЕ.

А ЕЩЕ ГОВОРЯТ, ЧТО СКАУТЫ—МИРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, ЭТО НАШИ ЗЛЕЙШИЕ ВРАГИ.

Мария Лопец

ВОТ ПРИКАЗ:

Полицейская прокуратура г. Оленди.

Глубокоуважаемому начальнику католических экскотейросов г. Оленди.

Настоящим благодарю вас за сотрудничество, оказанное экскотейросами группы, которой вы так мудро руководите, при несении караульной службы в городе в полном согласии с прокуратурой ввиду забастовки, вспыхнувшей вчера в столице государства.

Позвольте мне также отметить дисциплину и зоркость, с какими вели себя указанные экскотейросы во время упомянутой службы.

Непосредственно вас благодарю за предложение, сделанное достойному префекту этого города, помочь нам в указанной службе.

Привет.

Антонио Эдеиганио, комиссар полиции.

БЫВШУЮ ЦЕРКОВЬ ЗАНЯЛ НАШ КОМБИНАТ

Пионеры ДВК очень любознательные ребята, они мигом облепили самолет, чтобы узнать, как он устроен и что у него внутри. К сожалению, фото зафиксировало не столько любознательность ребят, сколько их позорное бегство от сторожа, охранявшего машину

Дорогие заграничные ребята!

Мы с Женей Степанченко решили написать вам письмо про наш детский внешкольный комбинат — ДВК.

Мы знаем, что вам очень тяжело живется и что фашисты не заботятся, чтобы вы, дети рабочих, хорошо отдыхали и вам весело было учиться.

А например наш ДВК как раз об этом заботится. Там есть разные комнаты для работы кружков. Здесь учатся, кто чему хочет. У нас есть автотракторный кабинет, и мы уже построили два педальных автомобиля марки «ДВК» № 1 и № 2 — один серый, а другой желтый. На этих автомобилях можно разъезжать по большой пустой комнате, которая у нас для беготни. Но там бегают и играют другие ребята. Они могут попасть под автомобили, и мы хотим устроить светофор.

Мы собираем настоящий автомобиль «Ганнеман» и у нас есть настоящий двигатель.

У нас есть и другие кружки: драмкружок, домро-балалаечный, фортепьянный и скрипичный.

В авиомодельном кружке пионер Терещенко построил очень красивую и большую модель планера, которая поставила всесоюзный рекорд, летала 117 секунд, почти целых две минуты!

Мы этим Терещенко можем гордиться. Другие ребята тоже работают хорошо.

Наш комбинат еще имеет базу в парке культуры и отдыха Краснопресненского района. Эта база готовит к зиме лыжи на тысячу ребят.

ДВК переделан из бывшей церкви, которая стоит на горе, против красно-знаменной Трехгорки. Эта церковь хотя очень большая, но нам в ней уже тесно. Мы на нашей выставке в райсовете так и написали: «Нам тесно». А председатель райсовета сказал, что они нам построят новый дом.

Один раз к нам приехал детский писатель Лев Кассиль, и мы ему говорили, что нам больше всего понравилось. Он сказал, что ему это очень интересно. К нам приезжал также писатель Гайдар.

Раз в пятидневку у нас бывает кино. Картины хорошие, нам нравятся.

В нашем ДВК очень интересно работать. Он называется ДВК им. Павлика Морозова — деревенского пионера, который бесстрашно шел против кулаков, и из-за этого они его убили.

Если вы будете такими, как Павлик Морозов, рабочие скоро победят и у вас будут свои ДВК.

Будьте готовы!

ВИТЯ ТУМИЛОВИЧ.
ЖЕНЯ СТЕПАНЧЕНКО.

Плакат, нарисованный ребятами ДВК

Справка „Пионера"

В детском внешкольном комбинате им. Павлика Морозова регулярно занимаются в кружках 280 ребят.

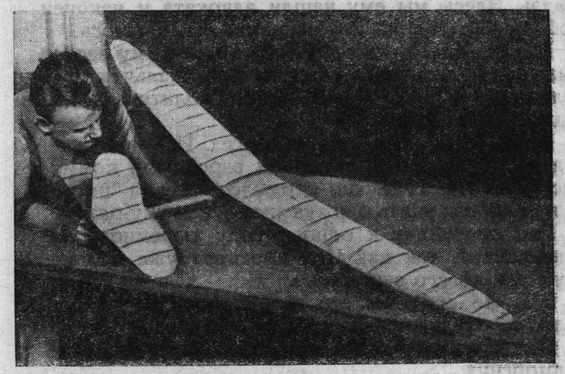
518 ребят посещают детплощадки ДВК.

В районном парке культуры и отдыха на базе ДВК в среднем отдыхают 1.000 ребят в день.

В технические лагери ДВК выезжали 400 ребят. В санаторные лагери—250.

Этой зимой ДВК организует в Салтыковке дом отдыха для школьников. Туда будет приезжать на 10 дней целая группа из какой-нибудь школы и 10 дней коллективно отдыхать, продолжая учиться. Для этого в доме отдыха оборудуется образцовая школьная комната и приобретаются наглядные пособия.

Бывшая церковь, теперь здесь детский внешкольный комбинат



Эта модель поставила всесоюзный рекорд

„Интернациональная" демонстрация из... „узбеков" ДВК

Подручные революции

Два очерка о пионерах Польши написаны польским пролетарским писателем ВИТОЛЬДОМ ВАНДУРСКИМ. Тов. Вандурский сидел в польских тюрьмах и сейчас еще над ним висит приговор буржуазного суда к четырем годам заключения. Очерки „Красный галстук" и „Ися - комбинатор" написаны под впечатлением встреч с польскими пионерами в тюрьме и в подполье.

КРАСНЫЙ ГАЛСТУК

Францусю В. двенадцать лет. Живет он в небольшом городе, где несколько крупных стекольных заводов. Но заводы почти не работают. Рабочих выкинули с производства, и они вот уже полтора года голодают. Отец Франуся—рабочий и коммунист. Год прошел с тех пор, как его арестовали, а еще девять лет тюрьмы впереди.

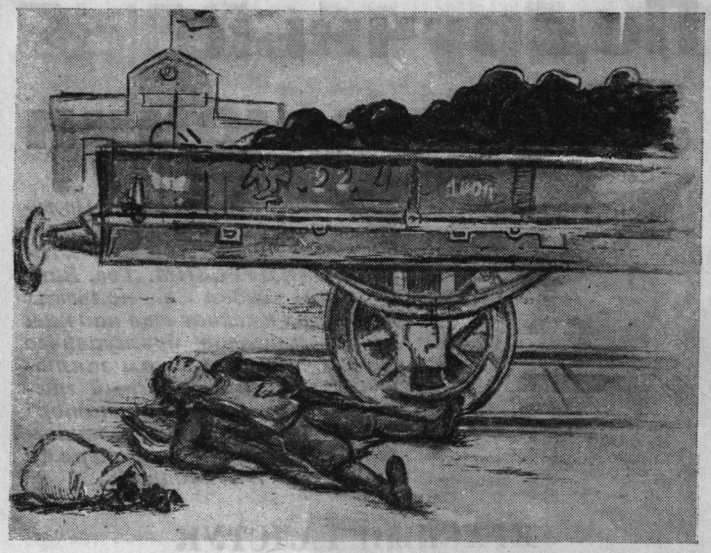
Отец Франуся с товарищами занял стекольный завод и оборонялся в нем от полиции восемь дней. Тогда Франусь с товарищами работал «по снабжению»: таскал одному ему только известными лазейками в заборах продукты рабочим, собирал камни, сам запускал их при случае в головы полицейских. До ареста отцу Франуся удалось побывать с делегацией польских рабочих в СССР. Францусю врезались в память рассказы отца о том, как рабочих принимали на заводах, как один мальчик подарил отцу красный галстук почетного пионера. Вот о таком галстуке все мечтает Франусь. Оно конечно можно бы галстук купить и здесь, в городке... Но это не то. Вот если бы ему такой галстук **оттуда** прислали!

Конечно так, прямо, носить его нельзя, полицейский — «глина» — пристанет, сорвет, еще по шее надает... Но вот если бы прислали... оттуда! Уж Франусь сумел бы его носить! Хоть в воскресенье, куртку-то застегнул бы во, по самую шею, чтоб чуть-чуть видно было, а все-таки носил бы, на улице, при всех...

А Франусь действительно заслужил галстук. Он ловкий — всюду пролезет... Вот листовки никак нельзя было на завод доставить. Завод и штрейкбрехеров охраняла полиция, фашисты-добровольцы ловили каждого. А Франусь—тот пробрался, и все до одной роздал! Или ночью — кто аккуратнее его расклеит на видном месте воззвания? Кто на заборе шикарнее выведет надпись?.. Или вот «шпаргалку» в тюрьму доставить надо, — кто доставит? Франусь доставит. При свидании с отцом надзирателя надует—и еще ответ принесет...

Но пришли тяжелые дни. Полиция вдребезги разбила организацию, листовки стали редкостью. Зато голод стал привычен. Безработные часами ожидали у ворот живодера, чтобы по дешевке купить собачьего мяса. Ждала там мать Франуся. Соль редкость, а овощи... Их приходилось добывать «промыслом», с огородов богатых обывателей.

Совсем невмоготу стало зимой. Заборы все по



Франусь скатился с платформы

близости растащили на топливо, пришлось на железную дорогу за углем бегать.

Но Франусь не расставался с мечтой о красном галстуке.

...Как-то в морозный январский вечер побежал Франусь на станцию. Пришли платформы с углем, а его много, ведь покупать-то некому... Пробрался Франусь на платформу, вот уже третий кусок добыл... Вдруг выстрел, другой...

Франусь скатился кубарем с платформы.

По шее его двумя струйками сочилась кровь.

Красный галстук.

Ися-комбинатор

Но не всегда похождения юных пионеров кончаются так печально.

Есть очень пронырливые ребята среди них. Им все трын-трава. Всегда они веселы и как-то сухими из воды вылезают.

...Когда мы, девяносто семь коммунистов, сидели в лодзинской следственной тюрьме, вдруг в конце февраля на нашей прогулке появился мальчик. Звали его Ися, а прозвали его товарищи по камере Комбинатором.

Исе было тогда лет четырнадцать с лишним. Но он делал вид будто ему шестнадцать по меньшей мере. Этот самый юный из политзаключенных с гордостью шагал по тюремному дворику, все время шутил, смеялся и, казалось, был очень доволен.

Ися с гордостью заявил нам, что он добился-таки от буржуев проклятых, чтобы его считали коммунистом, и «заставил» администрацию жуткой колонии для малолетних преступников в Студзенце перевести его в тюрьму.

Ися был арестован полтора года назад с поличным, когда 1 мая он раздавал на улицах и площадях воззвания компартии. Мальчику шел тогда тринадцатый год. Под предлогом «незрелости» его заперли в исправительный дом для малолетних преступников. Детей держали в грязи, заставляли непосильно работать, кормили гнилым горохом, били зверски, за малейший проступок сажали в сырой темный подвал, где часто заковывали в цепи... Но Ися все это выдержал. Мало того. Он, даровитый, остроумный и веселый мальчик, сумел не только сорганизовать сверстников, которые выбрали его своим старостой, он добился доверия администрации—этих зверюг, которые управляли пеклом Студзенца. Ему стали поручать покупку продуктов в близлежащем фабричном городе Жирардове. Сначала Ися ходил туда под конвоем. Но потом разбитному мальчику позволили ходить одному, благо он всегда аккуратно возвращался к сроку и ни копейки себе не присваивал. Свои «прогулки» в Жирардов Ися использовал по-другому.

Он ухитрился как-то нащупать связь с нелегальной коммунистической организацией. Уже в самом Жирардове — за два-три часа своего «отпуска»—Ися делал столько для установления связи между районами и ячейками, сколько другие не смогли сделать за сутки. Ему стали поручать даже доставку особо важных документов. Кроме того в Студзенец Ися возвращался всегда с изрядной пачкой листовок и литературы, которую он раздавал в сорганизованной им же в колонии «преступников» ячейке. Когда это обнаружилось, администрация пришла в ярость. Исю жестоко избили. Но и это не помогло. Он продолжал свою линию, добиваясь перевода в «обыкновенную» тюрьму. Наконец, чтобы избавиться от неугомонного мальчика, его сплавили сначала в Варшаву, а оттуда в Лодзь. Здесь мы ему нашли адвоката и наконец добились, что дело его вторично разбиралось.

Ися не хотел выходить «на волю»: ему весело было среди взрослых коммунистов. Мальчик проявлял незаурядные способности в политучебе. Все мы его очень полюбили.

Наконец пришел день процесса. Ися пошел на суд гордо, вместе с четырьмя взрослыми коммунистами. На суде он держался весьма резонно и пробовал учить буржуазных судей уму-разуму.

Его присудили к одному году тюремного заключения. А так как Ися просидел уже больше двух лет, то его выпустили.

Еще до суда мы его снабдили целой пачкой мелко-мелко исписанных писем «на волю».

Ися помахал нам рукой и многозначительно подморгнул.

Уж будьте покойны! Ися-то наверное доставит их куда следует!

Исю жестоко избили

ЛИСТОК СЧАСТЬЯ

Американец, Дуглас Штиммер молодой инженер, и Майкель Бьерк, негритенок— по прозванию Хеппи (счастливчик) — приятели. Штиммер спас Хеппи из рук собиравшихся его сжечь по суду Линча. Штиммер получает работу у капиталиста Фафнира на постройке гидростанции в Болдер-Сити и от него же получает „листок счастья". Это—листок, на котором кружками обозначены должности от рассыльного до директора. Листок показывает, чего может добиться поступающий на службу к Фафниру.

Хеппи получает работу на машинке для заклейки конвертов. Однако Хеппи мечтает не о такой работе. Он пишет письмо своему дяде, повару на корабле, в котором просит его устроить на пароходе. Работу у Фафнира Хеппи теряет очень быстро и отправляется к Штиммеру на строительство. Штиммер, сочувствует недовольству рабочих, которых на стройке кормят тухлыми консервами. Кроме того в газете сообщают, что Штиммер спас негра от суда Линча. Штиммеру и Хеппи нельзя больше оставаться в Америке на стройке. Они на пароходе „Иохан Ван-Ольденбаронвельт", где служит коком дядя Хеппи и прибывают в СССР. Здесь Штиммер устраивается на работу на строительстве Уралхимкомбината.

Роман С. Григорьева

Рисунки П. Кузьмичева

Гавайская гитара

Настали сумерки, когда Штиммер вернулся домой. Хеппи поджидал его, выщипывая стоны из груди гавайской гитары.

— Ну, дружище, как ты провел нынешний день? — спросил Штиммер.

— Тс! — таинственно подмигнул Хеппи, не переставая терзать гитару. — Сейчас должен притти **пятый**... я играю уже час...

— В чем дело, Хеппи?

— Дело в том, сэр, что Майкель Бьерк любит во всем ясность. Моя музыка имеет здесь успех, но, к сожалению, не тот, какого я желал бы.

— Кто же были те четверо? Они пришли разом?

— Нет, Дудди, они приходят поодиночке. Первый был монтер с ЦЭС Чейз Бертоле, он сказал просто: «Не терзай мне сердце, Хеппи. Помни, черт, у меня в Кентукки жена и ребенок. Твоя гитара заставляет меня плакать!». Это было сказано недурно. Второй вошел в комнату без спроса, — это был Джон Треск с камнедробилки. Он сказал довольно грубо: «Перестань ныть, черная обезьяна, а то я тебя вышибу отсюда!». Правда, сильно сказано, Дудди? Я ответил ему вполне вежливо, не переставая играть: «Вышибу? Здесь вам не Америка, любезный! Я не вторгался к вам вчера, когда вы раздували целый вечер мехи вашего аккордеона. Конечно, сэр! Из вас когда-нибудь выйдет музыкант!». Правда, я был деликатен в своих намеках? Он совершенно глух, этот Джон Треск. Третий — это был Эрль Барнес, наладчик прокатного стана из цеха мартенов. Он даже присел вот здесь, послушал и сказал: «Ты очень хорошо играешь, болван, а это плохо. Это мне напоминает один уютный кабачок в Сакраменто. Эх-ма! Но здесь не кабак!».

— Да, сэр, — ответил я, — здесь не кабак, а общежитие американских специалистов. Правила внутреннего распорядка вывешены в коридоре. Прочтите их еще раз внимательно, обратите внимание, в какие часы разрешена музыка, и посмотрите на свои часы, надеюсь, они у вас идут правильно? «Хорошо, мы посмотрим»!—закончил он с угрозой, хлопнув дверью так, что она опять раскрылась настежь. Тогда вошел **четвертый** — Гео Рансом, с коксовых печей. Он плотно притворил дверь, ничего не сказал и начал ко мне красться с протянутой рукой, собираясь хлопнуть меня, как муху. «Сэр! Оставьте шутки, — сказал я, — а то получите хороший удар ногой пониже живота!». «Вот как! — удивился он. — Ты еще будешь драться? Тогда я позову сейчас коменданта!» Боюсь, что пятый будет **комендант.**

— Подождем, увидим, кто придет, Хеппи. Ты ведь уже достиг некоторой ясности. Пожалуй теперь можно и оставить гитару в покое?

— Согласен, Дудди. — Хеппи отложил гитару. — Я бы не стал вести себя так «некультурно», ты слыхал это русское словечко? Это **они** находят, я думаю иначе: я, а не они, ведут себя вполне культурно. Но я хочу полной ясности, джентльмены! Пожалуй, Дудди, мы с тобой напрасно переселились сюда на гору из гостиницы.

— Там дольше оставаться было нельзя, гостиница для приезжающих, а мы с тобой теперь постоянные местные жители... Здесь все-таки уголок Америки. Мы среди своих.

— О, Дудди! Я помню, что некоторые еще недавно, очень недавно говорили другие слова.

— Что делать, Хеппи, трудно отделаться сразу от старых привычек...

— От дурных привычек надо сразу отвыкать, сэр. Разве мне не трудно было бросить курить? Однако я сделал это!

— Ага! Ты **снова** бросил курить, парень? Вот отчего ты мучаешь свою гитару!

— На этот раз кончено, Дудди. Однако я вижу, ты устал? Тебе надо отдохнуть. Надо ли нам ждать коменданта? Если нет, ты можешь вздремнуть немного. Но прежде чем заснешь, я должен тебя посвятить... Показать тебе... Вот!

„Магнит"

Хеппи достал из кармана две небольших подковки...

— Что это, Хеппи?

— Это магниты, Дудди! Это мой магнит, а этот сделан для тебя, Дудди. Согласен ли ты его принять?

— Отчего же нет, дружище! Благодарю за подарок!

— Подожди! Ты должен отвечать не словами! Если ты согласен, то должен прикоснуться своим магнитом к моему, вот так: N——S S——N

Если не согласен, то так: S——N S——N

— Согласен! — ответил Штиммер. Магниты притянулись.

— Так! Теперь отними свой магнит и отвечай, согласен ли ты вступить в «Магнит?».

— Как это «вступить в магнит»?

— Ах, Дудди! Вечно ты переспрашиваешь. Ты просто отвечай! Разве Майкель Бьерк когда-нибудь вовлекал вас, сэр, в невыгодное дело?

— Такого случая еще не было, Хеппи.

— Итак, согласны ли вы, товарищ Штиммер, вступить в «Магнит»:

— Согласен! — ответил Штиммер.

— Отлично! Теперь ты вздремни. А мне как раз пора на заседание **«Магнита».** Если оно не затянется, я тебе все, все, Дудди, расскажу подробно. Спрячь магнит хорошенько. Его нельзя терять!

Предсказание, что снова поднимется пурга и буран, могло оправдаться: глубокими и, казалось, теплыми вздохами снова поднимался ветер из степи, заметая снег там, где он еще не слежался за тихий день.

Хеппи и Алешка пробирались украдкой улицами старой Нахаловки к высокой громаде будущего Химкомбината. Заводские корпуса, законченные вчерне и освобожденные от опалубки и лесов, зияют в небе пустыми еще окнами там, где нет сводов и перекрытий. В уровень с землей и под землей бесчисленные камеры и сводчатые ходы заводских корпусов образуют множество укрытых тайных убежищ.

Смеркалось. Тропинку, по которой шел за Алешкой Хеппи, местами передуло, — тропа вообще было мало хоженая. Однако Алешка вел уверенно и, пройдя заметенные места, парни снова почувствовали под ногой твердую набитую полосу.

Алешка ворчал на Хеппи:

— Сколько время увел. Ждал тебя, ждал, да еще отстаешь... Ты помни хорошенько вот что! Хоть он Ванька Тюляля, а надо его звать Магистром по **«Магниту».** Так полагается. Понял или нет?

— Очень просто, что и понял, — сердито ответил Хеппи, — у меня замерзли глаза.

Ну, этого не бывает! Врешь! Лопухи потри — они у тебя совсем побелели.

Тропа, виляя меж корпусами Химкомбината, привела к зданию, выведенному на сводах до высоты второго этажа, — тут надлежало быть вскоре перегонному цеху. Тропа оборвалась у полузасыпанной арочки, оставленной должно быть для пропуска какой-то трубы. Встав на четвереньки, Алешка, а за ним и Хеппи проникли под арку и так на четвереньках проползли метров десять узким и сводчатым туннелем. Впереди забрежил огонек. Туннель оборвался. На притолке кирпичной кладки стоит защищенная от ветра жестяным экраном маленькая коптилка, сделанная из пузырька из-под чернил. За туннелем открылась сводчатая камера. Парни стали на ноги, и Хеппи осмотрелся, потирая уши. Камера была довольно высока. Из камеры вела куда-то внутрь дверь, заделанная, казалось, наглухо щитом, окрашенным зеленой краской.

Потайная дверь

— Вот, — сказал Алешка, — это здесь!

Он стукнул в дверь три раза, дверь отозвалась пустотой деревянного ящика. Из-за двери глухо ответило:

— Кто там?

Два **магнита**! — откликнулся Алешка.

— Все двери отворяются **«Магнитом»**, — сказал тот же голос из-за двери...

И Алешка и Хеппи выхватили из карманов свои магниты. Хеппи попал в подземелье **«Магнита»** в первый раз, но знал по секретному рассказу Алешки про эту дверь, открываемую **магнитом.**

— Куда лезешь? Ведь, не знаешь как! — отталкивая Хеппи, проворчал Алешка.

— Хэ? Чтобы Томас Бьерк не знал этого! — ответил по-английски Хеппи. — Ошибаетесь, сэр: Томас Бьерк знает все — или почти все! — поправился Хеппи... Могу сам! — закончил он по-русски.

— А! Ну попробуй!

Хеппи начал прикладывать свой магнит к двери в разных местах: магнит нигде не притягивался, дверь была, очевидно, слажена без гвоздей, навесок тоже не было заметно...

Хеппи постучал в дверь магнитом. Из-за двери никто не отозвался...

Алешка похохатывал:

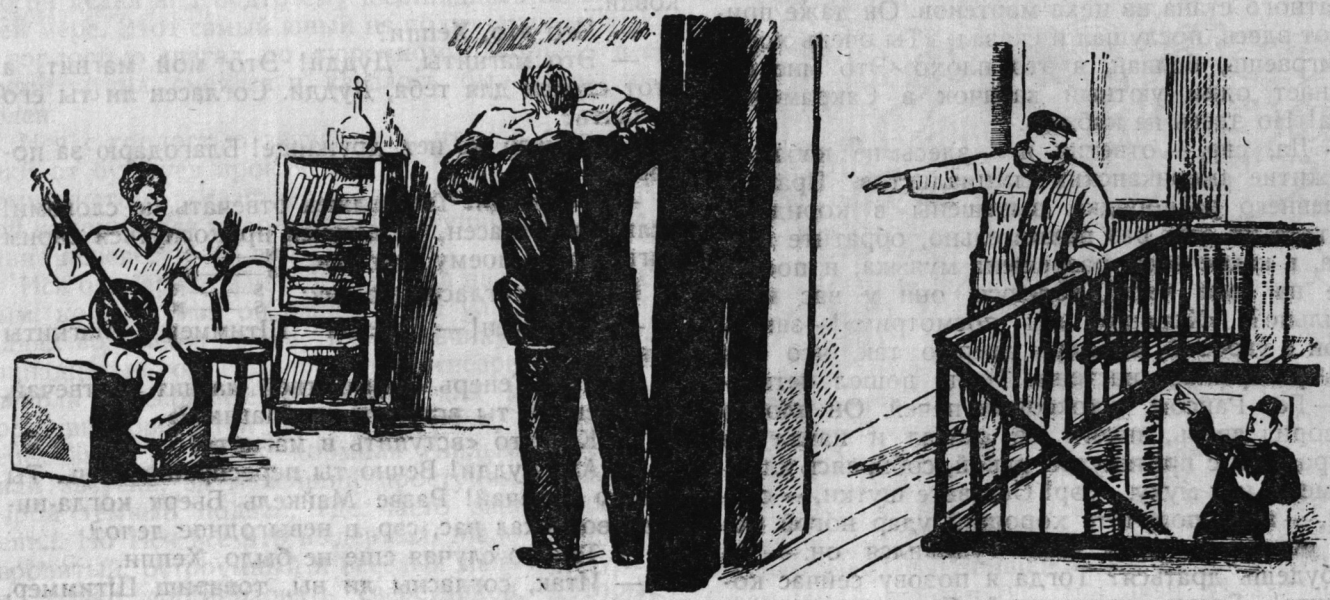
— Что, открыл? Нечего и лезть!

— Нельзя? Погоди, Алешка! Я знаю. Очень просто.

Хеппи потрогал дверь, она была легка...

— Ну, давай, я уж, так и быть, покажу тебе, американский чорт! — Алешка хотел отстранить Хеппи.

Хеппи выхватил из кармана свой крепкий складной нож. Раскрыл, попробовал об него магнит — нет, магнит не испортился, — крепко пристыл к ножу...



Не терзай мне сердце, Хеппи. Помни чорт, у меня в Кентукки жена и ребенок

— Магнит! — воскликнул Хеппи и, заслонив собою дверь, мгновенно ловко вонзил нож в щель между косяком и полотном. Что-то хрустнуло, и дверь раскрылась. Из-за двери блеснул яркий свет.

— Очень просто! — воскликнул Хеппи, распахивая дверь. — Входите, сэр!

— Ах, ты! — огорченно пробормотал Алешка. — Ну, брат, попадет мне за тебя от Магистра!

Хеппи, не дожидаясь более, прошел в двери первым. Алешка за ним.

За дверью, проделанной в массивной стене, открылась обширная камера, покрытая коробовым сводом. Электрическая лампочка ватт в четыреста освещала подземелье... В углу в небольшом кирпичном камельке или горне, видимо при хорошей тяге, горел, ярко накаляясь, кокс. Около горна — небольшая наковальня из обрезка рельса, пришитая на чурбаке.

Над камельком склонился хозяин подземелья. Хеппи знал, что это и есть магистр **«Магнита»** — Ванька Тюляля. Он обернулся. На Хеппи глянули черные горящие глаза из-под нахмуренных бровей.

Хеппи протянул свой магнит, наученный Алешкой заранее магнитному церемониалу. Хозяин прикоснулся к магниту Хеппи своим. Тем же магнитным рукопожатием обменялись хозяин и Алешка.

— Садитесь! — хозяин важно указал на скамью, поставленную перед огнем.

Гости сели перед горном. Хозяин — на табурет около камелька. Некоторое время Хеппи и Магистр молча рассматривали друг друга. Затем хозяин произнес:

— Да, действительно. Совершенно черный! Очень хорошо.

Хеппи важно поклонился, храня молчание. Он был предупрежден Алешкой, что Магистр **Магнита** не признает никакого языка, кроме русского, хотя знает множество иностранных слов. Хеппи сначала предполагал блеснуть здесь знанием русского языка и думал заговорить «бегло и свободно», именно по-русски, но почему-то переменил решение.

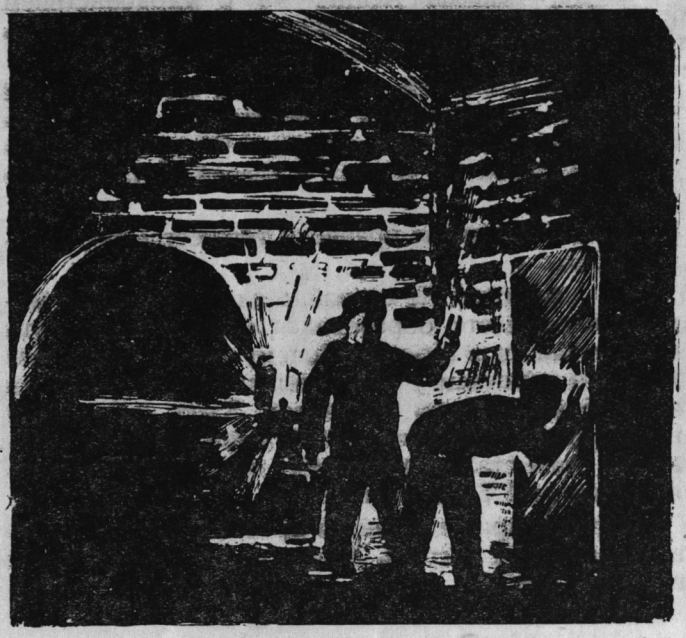
— А где же второй американец, ты говорил **инженер** и хороший парень, — спросил Магистр.

— Да ведь это Хепка все наплел, говорил, что у него есть инженер, парень свой в доску. Хотел его привести.

Американский консультант

Хеппи понял, что речь идет о Штиммере, и опять заговорил по-английски:

— Если я верно понял, джентльмены, речь идет о моем Дудди. Я могу поручиться за этого парня, как за самого себя. Или почти так! Но он — он очень устал сегодня, джентльмены. Он целый день ходил по плотине взад и вперед с одним из ваших начальников, а затем они очень долго обедали вместе. Думаю впрочем, что они больше говорили о плотине, чем ели. И наконец у них еще конференция сегодня. Он просил меня принести вам, сэр, тысячу извинений! Он не может быть сегодня и сказал мне: «Томас Бьерк! Вы должны заменить меня подобно тому, как я заменяю мистера Кадая, нашего шефа, в **важных** случаях. Вы, надеюсь дадите консультацию о **машине** не хуже меня». Так он сказал. Речь идет об известной машине, сэр? Я знаю от этого парня, что вы сделали великое изобретение. Конечно все это большая тайна. Если не ошибаюсь, речь идет о машине вечного движения. Позвольте нам ее осмотреть. Вы нуждаетесь в консультации?



Хеппи вонзил нож в щель между косяком и полотном...

Хеппи давно заметил поставленную в сторонке непонятную машинку или, вернее, какой-то лабораторный физический прибор. Колесо, составленное из одинаковых изогнутых тонких медных трубок. Они запаяны по концам. Колесо утверждено на горизонтальной оси. Ось свободно лежит в двух подшипниках на стойках. Нижней половиной колесо входит в ванну — открытый сверху прямоугольный ящик из кровельного железа. От небольшого кривошипника на конце оси взят привод к маленькому насосу: можно было догадаться, что насос должен забирать воду из железного ящика и куда-нибудь ее качать по тоненькому шлангу. Машина блистала новизной, она очевидно была только что закончена и отделана.

— Речь, я полагаю, идет об этой машинке, джентльмены. Мы можем приступить к ее осмотру? — важно сказал Хеппи.

Магистр посмотрел на машинку. На бледном, испачканном копотью лице Магистра проступил румянец, и глаза его на миг блеснули светлой радостью. Он перевел взор снова на Хеппи и смотрел недоверчиво, подозрительно.

— Я догадываюсь, — важно кивнув, заговорил Магистр, — что парень выразил сейчас приветствие «Магниту» от американских ребят. Очень хорошо. Мы уверены, что наша ассоциация быстро распространится по всему миру, и в Америке в том числе!

Алешка слушал разговор Магистра и Хеппи молча, с затаенным дыханием.

Хеппи указал рукой на закопченный чайник, подвешенный на крючке около огня.

— Я вижу, чайник скоро закипит, — заметил Хеппи по-английски, — и почти убежден, что дело кончится хорошим чаем. Мы — кхэ! — моряки, предпочитаем чай с ромом. И особенно хорош известный вам ром с портретом негра...

— Ты догадался правильно, парень, — ответил Магистр. — Чайник приготовлен именно для опыта с моей моделью, если бы, как я рассчитал, пришел тот американец. Теперь опыт придется отложить...

— Да, — сказал Хеппи, — я с удовольствием бы выпил стакан чаю. Конечно без рома. Здесь пить нельзя! Я уважаю законы этой страны...

— Ага! Понимаю, ты, парень, хочешь более подробно ознакомиться с задачами и целями нашей ассоциации. Очень хорошо! Ей предстоит великая будущность. В этом я уверен. В таком случае слушай.

И Магистр начал мрачно и торжественно, насупив брови:

— Товарищи! Не случайно здесь именно, а нигде в ином месте, образовался **«Магнит»**, хотя эта идея началась в Москве. Почему здесь? Здесь мы живем и работаем у подножья гор, сложенных из чистого магнитного железняка. Здесь строится и начал работать величайший в мире завод на миллионы тонн стали. Вот почему здесь мы и основали «Магнит»! Ты думаешь?!

Магистр приостановился и, вытянув руку, уставился пальцем в грудь Хеппи, вперив в его глаза горящий взор.

Странные звуки

Хеппи сделалось не по себе. Он взглянул на Алешку. Тот судорожно зевнул, как бы говоря:

— Все это мы слыхали!

— Я понимаю, сэр, — заговорил Хеппи вкрадчиво,—у вас есть право сердиться. Вы очень настойчиво повторяете слово «магнит». Конечно я должен был открыть дверь согласно правилам «магнита». Но я не знал, как именно это сделать. Вы знаете, всякие запоры и замки надо сначала разобрать и рассмотреть изнутри и тогда их легко открыть. Я не мог уступить этому парню. Я имею в виду Алешку. Думаю, что я не повредил дверь ножом. Она открылась очень легко. Если я и попортил ее немного, то извините меня, ее следует исправить за мой счет... Я готов вам в этом помочь.

Товарищи, не случайно здесь именно образовался „Магнит"

Магистр слушал черного гостя с недоумением, не понимая ничего. Тогда Хеппи перешел на русский язык. Достав нож из кармана, он об'яснил:

— Дверь магнит нет! Не могу? Тогда ножик: крах! Открылся! Извиняюсь. Алешка, будь добрый!..

— Он ножиком дверь открыл,—пояснил Алешка, до сей поры не проронивший ни слова.

— Как ножиком? Эх, вы! Не можете не нахамить!..

Важность слетела с Магистра. Он вскочил, кинулся к двери и ворча принялся осматривать магнитный замок.

Его устройство было нехитро. В полотнище двери выдолблено изнутри круглое углубление диаметром, равным расстоянию между ножками магнита, какие были у Магистра, Алешки и Хеппи и какой сегодня был вручен Штиммеру, все одинаковые. В углублении прилажен на оси, так что может вращаться, якорек из мягкого железа. Если приложить снаружи к двери в этом месте магнит, он притягивается через тонкую доску к якорьку. Повернув магнит, повертываем и якорек вокруг его оси, а якорек соединен со щеколдой, щеколда поднимается, и дверь можно открыть. Якорек же возвращается в свое положение тяжестью щеколды.

Замок сделан был легко и хлипко. Когда Хеппи нажал дверь ножом, щеколда подскочила, но не сломалась. Убедясь в этом, Магистр перестал ворчать и научил Хеппи, как следует открывать дверь магнитом. Хотя снаружи не было сделано нарочно знака, Хеппи теперь увидел, что место, где прикладывали не раз магнит, поцарапано.

Хеппи весело расхохотался.

Магистр не смеялся, он принял снова важный вид и, притворив дверь, пригласил гостей вернуться в его мастерскую. Здесь он подвел Хеппи к плакату, прибитому к стене над широкой скамьей, постелью Магистра.

— Вот здесь об'ясняется **магнит!** Смотри! — сказал Магистр и сам залюбовался.

Плакат сделан художественной рукой самого Магистра. Слева идет столбцом надпись:

«Мировая
Ассоциация
Гениев
Науки,
Искусства,
Техники»

Правую сторону плаката занимают вырезанные из журналов рисунки и чертежи. В центре две картинки: на одной человек с белой крысой на плече и с циркулем в руке склонился над чертежом; на второй—охотник в шляпе, с ружьем за плечами и биноклем в руках. На грудь охотнику положила передние лапы пестрая собака.

Магистр ласково обнял Хеппи и сказал:

— Хочешь быть гением? Хочешь?

— Нет, благодарю вас очень, сэр! — вежливо ответил Хеппи по-английски, — я их не ем.

Алешка вдруг встрепенулся.

— Что это? Слушай, братцы.

Все притихли. В глубокую подземную толщу с воли просачились глухие воющие звуки и вскрики.

(Продолжение следует)

Инж. Гидролюбов задает задачи —

ПОЧЕМУ БОЛЬШИЕ СТРАНЫ ЛЕГЧЕ ЗАЩИЩАТЬ, ЧЕМ МАЛЫЕ, ПОЧЕМУ БОЛЬШОЙ САМОВАР ДОЛЬШЕ НЕ СТЫНЕТ И ПОЧЕМУ ОБЛАКА НЕ ПАДАЮТ НА ЗЕМЛЮ?

Юрка Гидролюбов, как всегда, явился в редакцию поздно. И, как всегда, запыхавшись.

— А-а-а... Юрка! Как поживает дядя?

Юрка молча выложил на стол два конверта: один—простой, другой—запечатанный сургучем. На первом было написано:

„ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ“

А на втором—**„ЗАДАЧИ“**

— Прекрасно, Юрка. Сейчас распечатаем...

— Подождите, дело не в этом. Дядя просил вам рассказать то, что он проделал со мной перед моим от'ездом в Москву.

И Юрка начал рассказывать:

— Я уже вам говорил, что дядя сейчас отдыхает и читает только мои книги. Когда я с этими конвертами уходил на поезд и пришел к нему проститься, перед ним лежали Брем «Жизнь животных» и мой географический атлас. Брем был раскрыт на большом рисунке королевского тигра.

— Юрка, читай!—И дядя ткнул пальцем в подпись.

Я прочел:

— Королевский тигр; 1/30 натуральной величины.

„Дядя мой пьет воду целыми ведрами“. Снимок Юрки Гидролюбова

И он показал на масштаб географической карты:

— Масштаб 1/15.000.000.

— Теперь понимаешь, Юрка почему большие страны легче защищать, чем малые, почему большой самовар дольше не стынет и почему облака не падают на землю?

Я конечно ровно ничего не понимал.

— Неясно? Странно... Я думал, что ты сообразительнее... Тогда давай по порядку... Ну-ка начерти мне быстро план этой комнаты.

Это было сделать очень просто. Я нарисовал прямоугольник: одна сторона 5 м., другая — 4 м. И под ним подписал:

«Масштаб: 1 м. в 1 см. (1/100)».

— Теперь высчитай мне площадь твоей комнаты в плане.

Это было сделать еще проще: я помножил 5 на 4 и получил 20 кв. см.

— А теперь сообрази, какая будет настоящая площадь твоей комнаты.

Я начал рассуждать: так как мой план в 100 раз меньше действительных размеров комнаты, то значит надо 20 кв. см. помножить на 100. Я проделал это быстро и получил 2.000 кв. см.

— Переведи в квадратные метры.

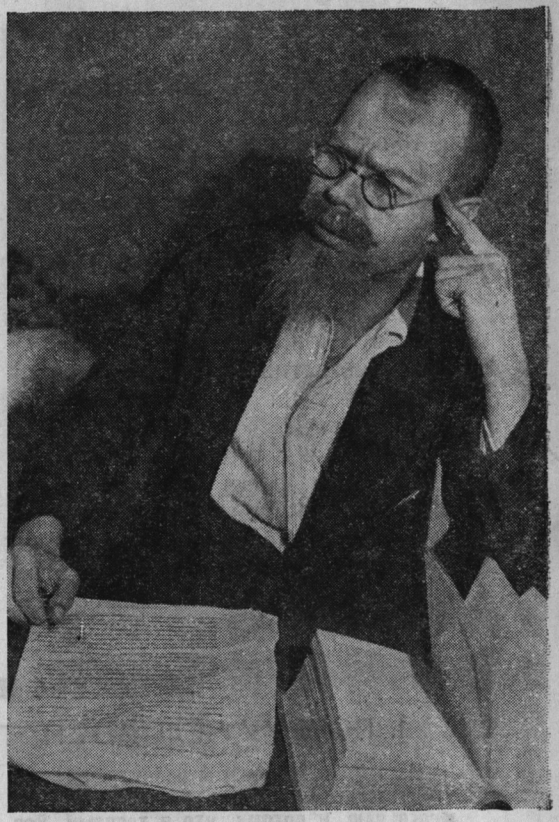
Снова это было очень нетрудно: в кв. метре 10.000 кв. см. Значит надо 2.000 разделить на 10.000, И вот тут я сел в лужу: площадь моей комнаты оказалась равной... ⅕ кв. метра.

— Ты, Юрка, бесконечно глуп.

Я никак не мог понять, почему получился у меня такой нелепый результат. Я стал проверять иначе. Одна сторона моей комнаты равна 5 м., вторая 4 м. Значит площадь моей комнаты равна 20 кв. м. Как же у меня получилось ⅕ кв. м.? Ведь это ошибка в 100 раз!

Я снова и снова проверял свои вычисления, но результат получался тот же.

— Нет, Юрка, ты действительно бесконечно глуп. Слушай. Квадратная площадь со стороной в 1 см. имеет площадь в 1 кв. см. Площадка со стороной в 2 см. имеет площадь уже в 4 кв. см. Площадка со стороной в 3 см. имеет площадь в 9 кв. см. Чувствуешь, Юрка, что, увеличивая сторону квадрата в известное число раз, мы получаем площадь, большую в такое число раз, которое получается перемножением первоначального числа самого на себя, т. е., увеличивая сторону квадрата в 2 раза, мы увеличиваем площадь в $2 \times 2 = 4$ раза. Вот почему ты ошибся, когда множил 20 кв. см. на 100. Тебе надо было эту операцию проделать еще раз и множить на 10.000.



Инж. Гидролюбов задумался

То же самое происходит не только с квадратами, но и с фигурой формы: ее границы при увеличении площади возрастают медленнее, чем сама площадь.

Ну понял теперь, почему большие страны легче защищать, чем малые?

После этого конечно для меня уже стало ясно, что если площадь одного государства больше площади другого в 100 раз, то длина границ первого государства будет больше только в 10 раз, если конечно у них более или менее одинаковая форма. А если к тому же они и одинаково густо населены, то в 100 раз большее число жителей будет охранять лишь в 10 раз большую границу.

Так же просто решил я и вторую задачу о том, кому легче отгородить свою землю: единоличнику или колхозу, у которого участок в 100 раз больше.

Но вот с другими задачами я провозился долго. Дядя меня спросил:

— Почему большой самовар дольше не стынет; какой выгоднее иметь самовар—круглый или продолговатый; какая печка лучше держит тепло — круглая или квадратная; почему облака не падают на землю и почему идет дождь?

Возился я с этими задачами потому, что здесь мне пришлось иметь дело не с площадями, а с об'емами. Но когда я как следует подумал, то понял, что в этом в конце концов очень малая разница.

Решений этих задач я вам не скажу: дядя просил эти задачи задать читателям «Пионера». От себя я хочу только сказать, что при решении последней задачи надо иметь в виду, что все тела, падая, встречают сопротивление воздуха, что кусок ваты весом в 1 грамм и камушек такого же веса упадут с разной скоростью, так как воздух задержит кусок ваты сильнее, чем камушек, и что здесь все зависит от поверхности тела.

Но больше я говорить ничего не буду, потому что я уже и так наговорил много лишнего и дядя будет сердиться.

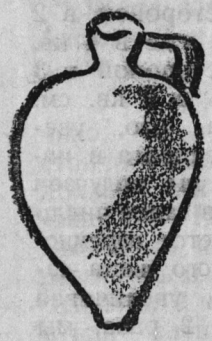
На этом юркин рассказ кончился. Мы его записали и, как видите, напечатали в журнале.

Потом мы вскрыли конверт, на котором было написано:

„ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ“

1. ПОЧЕМУ ЧЕЛОВЕК ПОТЕЕТ, КОГДА ЕМУ ЖАРКО?

На эту задачу многие ребята отвечали, что это потому, что я, Гидролюбов, пью много чаю, и потому, что я толстый. Все это чушь. Прежде всего пью я мало и вовсе не толстый, а худой, вы же видели мою фотографию, которую снял негодяй Юрка. А главное, все это никакого отношения к решению задачи не имеет. К ней имеют отношение скорее глиняные кувшины, о которых прислал письмо Саша Куликов из Армавира. Написал он вот что:



„У нас на Кавказе летом воду держат часто в особых глиняных кувшинах. В этих кувшинах вода всегда холодная, даже в самый жаркий день. Это потому, что кувшины сделаны из пористой глины. Вода просачивается сквозь поры стенок, маленькими каплями выступает на наружной поверхности и испаряется. Чем жарче погода, тем сильнее испарение. От испарения воды стенки кувшина охлаждаются и значит становится холоднее и вода, налитая в кувшин.

Мне кажется, что то же самое происходит с человеческим телом. Когда я смотрел в увеличительное стекло на мою собственную кожу, то увидел на ней много мелких ямок, похожих на уколы тонкой иголкой. Отец мне сказал, что эти ямки — отверстия выводных протоков потовых желез. И вот мне кажется, что когда человеку жарко, его тело хочет охладиться и выделяет из желез пот. Этот пот испаряется, и тело охлаждается, потому что при всяком испарении происходит охлаждение. Александр Куликов“.

К этому правильному и самому лучшему ответу на первую задачу я хочу прибавить несколько цифр.

Поверхность кожи взрослого человека равна примерно 2 кв. м. На ней содержится около $2\frac{1}{2}$ млн. потовых желез. В среднем за 24 часа через них выделяется 700 граммов воды, а в очень сильную жару это число доходит и до 1 килограмма в час.

2. ПОЧЕМУ, КОГДА СОБАКЕ ЖАРКО, ОНА ВЫСОВЫВАЕТ ЯЗЫК?

Федя Тищенко из Москвы на эту задачу дал самый правильный ответ:

„Собака потеть не может, потому что у нее нет потовых желез (это не совсем верно: очень в небольшом количестве они находятся на подушечках пальцев—Гидролюбов). Поэтому собака, когда ей жарко, широко раскрывает рот и высовывает язык. Испарение слюны с поверхности языка и рта охлаждает кровь и понижает температуру тела.

Ф. Тищенко“.

3. САМЫЙ ОБЫКНОВЕННЫЙ САМОВАР, НАПОЛНЕННЫЙ ВОДОЙ. ВЫ ОТКРЫВАЕТЕ КРАН. ПЕРВЫЙ СТАКАН НАПОЛНЯЕТСЯ В ПОЛМИНУТЫ. ВО СКОЛЬКО МИНУТ ВЫЛЬЕТСЯ ВЕСЬ САМОВАР, ЕСЛИ В НЕМ 30 СТАКАНОВ И ЕСЛИ КРАН ОСТАВИТЬ ОТКРЫТЫМ?

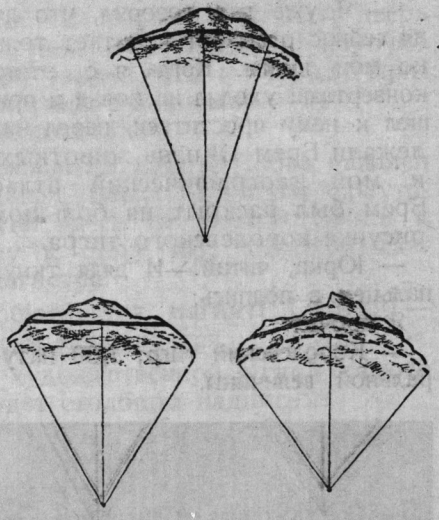
Многие ребята повторили юркину ошибку: помножили полминуты на 30 и заявили, что самовар выльется в 15 минут.

Это конечно не верно: разве с одинаковой быстротой будет выливаться вода в первой и последний стаканы? Скорость жидкости будет конечно зависеть от высоты столба жидкости, стоящего над отверстием. И в физике есть закон Торичелли, который говорит, что время, нужное на полное опорожнение сосуда, в два раза больше, чем то время, в течение которого вылился бы такой же об'ем жидкости при неизменном уровне.

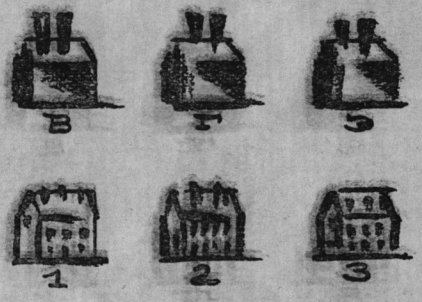
Поэтому наш самовар выльется не в 15 минут, а в 30 минут.

Правильные ответы на эту задачу прислали только трое: Л. Фишман из Ленинграда, К. Паршин со ст. Ундол и С. Желтикова из дер. Качаброво (ст. Истра).

Новые задачи инж. Гидролюбова



1. Посмотрите на рисунок и скажите, какой из трех туннелей прорыт горизонтально. И еще: каким из этих трех способов выгоднее и лучше рыть туннель?



2. В три дома (1, 2 и 3) надо провести воду и электричество с водокачки *В*, газового завода *Г* и электростанции *Э*, но так, чтобы ни электрические провода, ни линии, проводящие газ и воду, не пересекались.

ТУТ-ИТАМ ПЕРЕХОДИТ УЛИЦУ ТУТ И ТАМ

В сопровождении Л. Кассиля

С рисунками А. Каневского

Я долго не решался выйти на московскую улицу с Тут-Итамом. Все-таки это, знаете, не какой-нибудь такса-мопс, чтобы на цепочке водить. Наконец под выходной день часа в четыре пополудни я вышел с Тут-Итамом на улицу.

— Только, пожалуйста, Тут-Итамчик, смотри не пугай народ,— сказал я,— я тебя очень прошу. Слышишь?

Тут-Итам кивнул, подпрыгнул, задрал хвост, и мы пошли. Как я ни старался быть скромным, нас сразу заметили. «Смотрите, смотрите, кто идет»—закричали на улице. Я сначала надеялся, что эта читающая публика меня узнала, немножко загордился даже. Но вскоре пришлось убедиться, что народ бежит не за мной, а за Тут-Итамом. Собралась толпа. Тут-Итам оглядел публику и вдруг—прыг!—на трамвайную мачту. Сидит и смеется над нами.

— Тут-Итам! — кричу я. — Марш сюда.

Не слезает.

— Тут-Итамка! — Слазь сию минуту.

Не слезает. Издевается гад.

— Тут-Итамчик, Тут-Итамушка! Я прошу. И милиция просит. Слезай.

Тут-Итам не слезает. А трамваи все остановились. Скандал, ребята!

Какой-то ученый дядя взглянул на Тут-Итама через пенснэ и заявляет:

— А. я узнаю, узнаю, это — яркий представитель смешанного семейства млеководных земнопитающихся и пернатых осетров перепончатохвостого класса.

А Тут-Итам не обижается. Не слезает.

— Слезай,—говорю,—проклятый гибрид!

А милиционер мне говорит:

— Вот именно, что габарит!

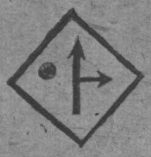
— Не габарит, а гибрид, — говорю.

— Нет, габарит,—отвечает милиционер и указывает на круглый уличный знак, который висит около мачты:

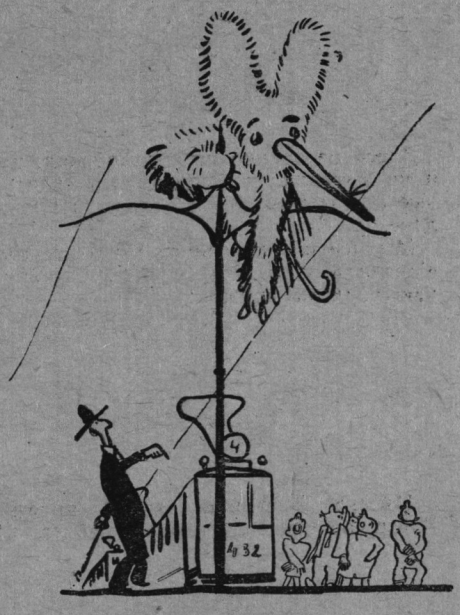
Этот знак показывает шоферам и извозчикам, что экипажи, автомобили, повозки, имеющие высоту больше, чем указано на кружке, не могут проехать по этому месту. Ну, скажем, провода тут низко протянуты или мост здесь или еще что... Если шофер не послушается, поедет, его оштрафуют.

— Слышишь, гибрид, тут габарит три метра, а ты вон куда залез,—схитрил я.

Тут-Итам у меня был надрессирован и понимал цифры. Он сконфузился и слез с мачты. Мы пошли дальше. Дошли до угла. На углу висел такой знак: 11.



Стрелки указывали, куда можно ехать: прямо и вправо. Влево ехать было нельзя, знак запрещал это. Стали мы размышлять, по какой стрелке нам итти. Подумав, решили итти направо. Тут-Итам вел себя прилично, но вдруг он стал проситься на трамвай.



— Ладно, сядем в трам. Подошел вагон, мы стали садиться в передний.

— На прицепу! На прицепу!—закричала кондукторша,—с вещами на прицепу!

— Да это же не вещь! Это живой Тут-Итам, млеководное земнопитающееся.

— Все равно нельзя!.. С живыми вещами сюда тоже нельзя.

Мы побежали садиться в прицепной вагон.

— Куда?— закричал прицепной кондуктор, — сюда только с ручным багажом.

— Да он же у меня совсем ручной, смирный, не кусается.

— Цепным тут-итамам ездить на прицепном вагоне запрещается... Это трамвай, а не зверинец... И не вагон железной дороги дедушки Дурова.

Ладно! Пошли пешком. Стали переходить улицу, вдруг свисток. Подбежал милиционер с повязкой «РУД» (регулирование уличного движения).

— Нельзя здесь переходить. Задавят вас, какое тут движение, и ведь написано здесь. Грамотные, небось!

Над улицей висела дощечка с надписью:

«Пешеходам и тут-итамам здесь не переходить. Переходи улицу на перекрестке».

Мы дошли до перекрестка. Ну, здесь можно перейти. Только мы начали переходить, как нас чуть не сшиб большой, быстрый автомобиль. Прохожие закричали на нас:

— Чего вы светофора не слушаетесь? Жизнь не дорога, что ли? На светофоре красный огонь, а они прутся.

В это время на светофоре вспыхнул желтый огонь. Мы опять бросились переходить улицу. Прохожие опять остановили нас. Меня ухватил за пальто какой-то гражданин, а бедного Тут-Итама, который хотел перепрыгнуть через улицу, сцапали за хвост. — Погодите! — сказали нам. — Желтый свет значит «внимание»! Но вот в светофоре засиял зеленый свет. «Теперь вот переходите». И Тут-Итам, поджав хвост, перескочил через улицу. Все автомобили, трамваи, автобусы, повозки пересекли улицу.

От пережитых волнений у Тут-Итамки живот заболел, что случается не только у медведей, но и у тут-итамов. Он остановился у тумбы. Но над тумбой висел такой знак:

Я об'яснил, что этот знак запрещает тут останавливаться автомобилям и извозчикам. А напуганный Тут-Итам верно подумал, что тут-итамам остановка воспрещена, что его оштрафуют, поэтому он побежал дальше. Он помчался с огромной быстротой, прыгал, подскакивал, сшибая прохожих. Рудовцы засвистели. Милиционер на мотоциклетке догнал его.

— Что это, млеководное?—спросил милиционер. — Вы видите знак?

Над улицей висел кружок:

Значит здесь движение со скоростью большей, чем 30 километров в час, было запрещено. Тут-Итам понял и успокоился. Живот у него прошел. Мы свернули в узкий переулок. В это время проезжал мимо на большой грузовой машине знакомый шофер, он подсадил нас.

Цена 50 коп.

33904

П29

— Только хвост придется вам подобрать,—сказал Тут-Итаму шофер,— а то тут, видите, какая штука висит:

Знак показывал, какой ширины экипаж может проехать по переулку. Хвост Тут-Итама выходил за пределы дозволенного. За переулком был мостик через речку.

— Придется товарищу Тут-Итаму сойти на минутку. Видишь, что сказано:

— Это значит,—продолжал шофер,—что тут больше, чем 3½ тонны, нельзя везти, а у меня и так перегрузка.

Мы слезли. Грузовик переехал через мостик, и тогда мы снова сели в машину. Теперь мы ехали очень быстро. Вдруг шофер так резко затормозил, что Тут-Итам перекувырнулся даже...

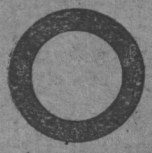
Над улицей висел синий квадрат с красным треугольником. А под ним,

внизу, бегали ребята в синих рубашках с красными треугольничками галстуков на спине.

— Этот знак нам дает знать, что тут школа или клуб или театр. Значит надо осторожней ехать. Народу много может сразу выйти.

За углом шофер смущенно сказал нам:

— Ну, дальше везти вас не могу. Мне тут ехать нельзя. Видите: грузовое движение запрещено.

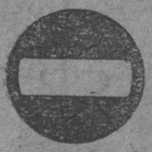


Тут-Итам захныкал. Чтобы успокоить его, я нанял легкое такси. Мы проехали два квартала. Начинался бульвар. Над бульваром висел такой знак:

— Езда на автомобилях здесь запрещена,—сказал нам шофер. Мы пересели на мотоцикл. Мотоцикл помчался. Развевался хвост Тут-Итама. Но у следующей аллеи нас остановил знак:

Здесь не только на автомобилях, но и на мотоциклах запрещалось ездить, так как тут гуляли и отдыхали граждане.

Мы взяли извозчика. Но едва мы в'ехали в тесную и зеленую аллейку, как увидели кружок:



Проезд запрещен, всякий проезд. Здесь на песочке играли ребята. И

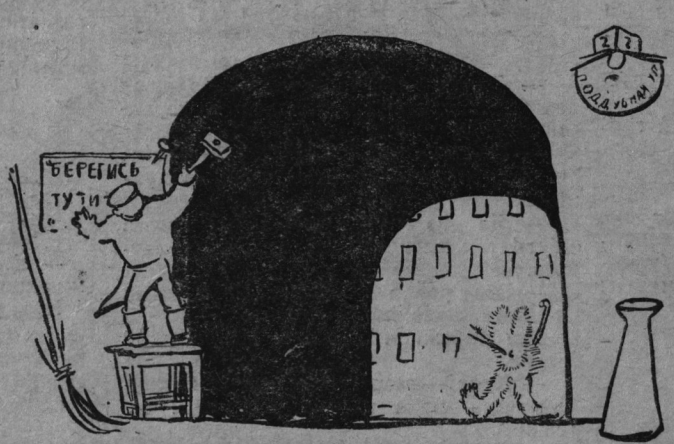
знак охранял ребят. Пришлось итти пешком. Дошли мы до сада-цветника. Смотрим, висит кружок, а в кружке Тут-Итам нарисован. «Это значит проход тут-итамам запрещен,—об'яснил нам садовник,—чтобы цветы не рвал, траву не мял и детей не пугал».

Обиженный Тут-Итам побрел из садика. У выхода висел голубой квадрат с белой буквой «Р». Тут-Итам сов-

сем разогорчился... Он уж не знал, куда девать ему свой хвост. Может быть это «Р» обозначает: «Руби хвосты тут-итамам»... Но это не русское Р, а английское П, первая буква слова «остановка» по-английски. Здесь могли останавливаться автомобили. И мы здесь решили тоже сделать остановку.

* * *

Так путешествовал со мной по Москве Тут-Итам. Так изучали мы с ним все знаки уличного препинания. Теперь мы ходим «с выражением», мы гуляем с чувством, с толком, с остановками, смотрим сначала налево, а потом направо. А чтобы граждане не пугались, когда Тут-Итам выходит гулять, наш дворник вывесил у ворот, там, где висит дощечка «Берегись автомобиля», новую доску: «Берегись Тут-Итама».



На обложке художник А. Фонвизин нарисовал сцену Детского японского театра, того самого, о котором вы прочли в письме В. Оки на стр. 11.

От редакции. В этом номере, на стр. 8, в очерке «В гостях у поэта» ошибочно напечатанное в части тиража «Мирза Джавад» следует читать «Мирза Мухамед».

Отв. редактор **Б. ИВАНТЕР** Худ. редактор **АСКИНАЗИ** Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда".

Сдан в набор 7/IX—33 г., подписан к печати 21/IX—33 г. Изд. № 848 Формат 1/8 62×94 1¼ б. л. 100.000 п. зн. в бум. л.

Уполномоченный Главлита № В—62481 Типография газ. „Правда", Москва, ул. им. Горького, 48. Заказ № 2286 Тираж 26.400